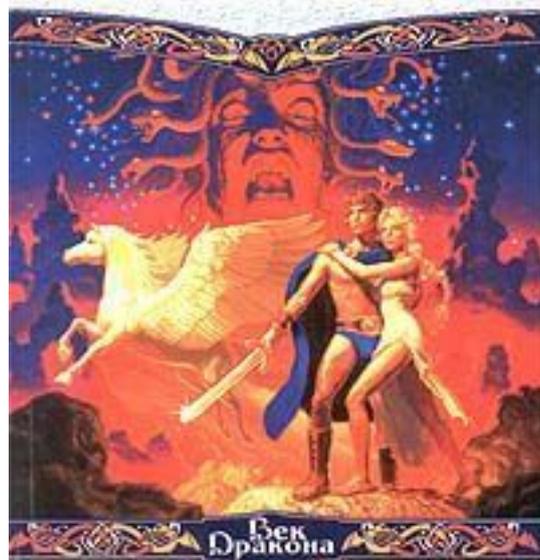

Джон Барнс

ВИНО БОГОВ

Бек
Дракона

Джон Барнс

Вино богов

1996

Барнс Д.

Вино богов / Д. Барнс — 1996

Вампирами становятся по разным причинам. Причины – не суть, важен результат! Итак, вампиры (ставшие вампирами по разным причинам) на крыльях тьмы врываются в мирное доселе сказочное королевство. Так грустно продолжается история, которая началась, когда дитя – принц в приступе младенческого легкомыслия испил запретного Вина Богов... Что – то будет дальше? Дальше будет многое. Будет разнообразно и очень весело. Будут безумные алхимики и коварные царедворцы, злые короли и добрые принцессы... или, может, совсем наоборот. В конце концов, мы в сказке находимся, или не в сказке?..

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	41
ЧАСТЬ II	46
Глава 1	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джон Барнс

Вино богов

ЧАСТЬ I

ЛУЧ СОЛНЦА

Глава 1

СУМАТОХА В КОРОЛЕВСТВЕ

Была в Королевстве старая поговорка: «Дитя, что изопьет Вина Богов слишком рано, вырастет получеловеком». И поскольку мудрецы в Королевстве знали с незапамятных времен, что все старые поговорки сбываются, никто, насколько известно, детишек Вином Богов не потчевал.

К тому же оно было недешево. То есть оно было так дорого, что сам король позволял себе им побаловаться только по особым случаям: полстаканчика, скажем, при встрече с особо важным посланником, или чайную ложечку при непроходящей хандре, а то и всего капельку – когда долг обязывал его встать с постели, невзирая на жестокую простуду. В общем, если даже взрослые и не очень верили в поговорку, они чаще всего приберегали Вино Богов – если им, конечно, удавалось его раздобыть – для себя.

А стоило вино немалых денег не из-за того, что готовилось из каких-нибудь дорогущих ингредиентов. Ингредиентов этих в Королевстве было – как грязи. Если на то пошло, грязь как раз и была одним из ингредиентов. Дороговизна Вина Богов объяснялась тем, что приготовить его совместными усилиями могли только алхимик с трудовым стажем не менее двадцати лет и колдунья не младше ста лет от роду. А каких титанических усилий стоило одно только сотворение аромата печеного осенью хлеба, да так, чтобы к нему не примешался запах ноября! А ведь это был только первый, самый примитивный этап. А последний этап состоял в том, чтобы брякнуться в грязь на дороге точнехонько в семь часов летним утром, когда безоблачное небо ни с того ни с сего померкнет, а снежинки еще не успеют упасть на озаренное луной невспаханное поле. На достижение такого мастерства уходили многие годы. Говорили, будто бы после первой тысячи попыток талантливому алхимику вдруг могло совершенно случайно повезти, а после второй тысячи этот фокус получался у него чуточку чаще, нежели не получался. Однако грош цена всем талантам и всей ловкости алхимика, если все ингредиенты напитка не были приготовлены колдуньей соответствующего возраста.

Посему нечего было и уповать на то, что Вино Богов подешевеет и будет продаваться на каждом углу, а потому никому и в голову не могло прийти взять да и проверить, а не врет ли поговорка: «Дитя, что изопьет Вина Богов слишком рано, вырастет получеловеком». Даже отыщись в Королевстве такой жестокий экспериментатор, ему еще бы пришлось наскрести изрядный капиталец на приобретение вина, которое к тому же берегли как зеницу ока, дабы ни одно чадо не прикоснулось к нему.

Каков же был истинный смысл поговорки – это могло быть записано в одном угрюмом фолианте из королевской библиотеки: «Всеякие пакости, знать о которых порой все-таки необходимо». Ну а если смысл поговорки был и того ужаснее, прочесть о нем следовало в запыленной и запертой на замок книжечки под названием «Пакости, о которых лучше не знать вовсе». Естественно, такие знания не могли быть открыты кому попало.

Но раз уж про Вино Богов рассказывали в сказках, то рано или поздно беда должна была случиться, и потому не могло быть прощения всем тем, кто допустил преступную халатность в тот день, когда принц Аматус – единственный наследник престола, чья матушка, королева, умерла при родах – всего через четыре дня после празднования его второго дня рождения, залпом осушил полный стакан Вина Богов.

Провинились четверо, и к тому времени, как во дворце поднялся жуткий крик, никому из них улизнуть не удалось. Король Бонифаций, заслышав душераздирающие вопли, бросился в лабораторию королевского алхимика. Был он потрясен случившимся не на шутку и, будучи обладателем всевозможных званий в области юриспруденции, тут же учинил судилище с незамедлительным вынесением вердиктов, дабы потом никому и в голову не пришло, что решения приняты им холодно и по трезвом размышлении.

– Ты, – сказал король няньке принца (старушке, которая крайне редко улыбалась, и при этом никогда – весело), – конечно же, как обычно, раскладывала по баночкам нутряное сало, гладила простыни да игрушки прибирала, в рядочки их выстраивала, а за принцем не следила. – С этими словами король обернулся к начальнику стражи и распорядился:

– Будь так добр, отруби ей голову немедленно.

Нянька, наверное, могла что-то сказать, но не успела. «Вжик» – взвизгнул меч начальника стражи и со свистом рассек воздух. Голова няньки упала с плеч, а начальник стражи, человек аккуратный и точный во всем, дал хорошего пинка ее обезглавленному телу, и оно вывалилось из окна на мощный булыжником двор. Никакого особого беспорядка в лаборатории при этом не образовалось. А голова няньки, губы которой так и остались неодобрительно поджатыми, приземлилась на пол, встала на обрубке шеи, и глаза старушки уставились на короля.

Вторым виновником происшествия, и притом не меньшим, был придворный алхимик.

– Ты, – сказал король Бонифаций, и теперь голос его был мрачен и полон гнева, – ты, ты должен был неусыпно наблюдать за процессом изготовления Вина Богов от начала до конца. Трудись ты на поприще алхимии всего лет двадцать пять, я бы еще понял, почему ты рассеян и упоен своими успехами – только молчи и не возражай: я видел, как ты работаешь, – и потому упустил из виду свою первейшую обязанность: следить за тем, чтобы никто не похитил Вино Богов. Я еще понимаю, если бы сюда забрался такой прославленный грабитель, как дьякон Дик Громила, и утащил, скажем, ложечку Вина. Но в действительности... Тут брови короля не только сошлись на переносице, но и завязались в зловещий узел, от чего у него, конечно, могла жутко разболеться голова, если бы уже не болела, и он громогласно взревел, от чего у придворного алхимика всенепременно душа бы ушла в пятки, не будь он уже и так напуган до смерти. – В действительности произошло следующее: алхимик с семидесятипятiletним опытом так сильно погрузился в восхищение собственным триумфом, что не заметил, как двухлетний младенец похитил у него целый стакан Вина Богов!

Король кивнул начальнику стражи, и снова зловещее «вжик» смешалось со свистом отсекаемого воздуха, послышался глухой стук падения отсеченной головы, а потом меч, издав чуть менее звонкое «вжик», вернулся в ножны.

Носок сапога начальника стражи угодил в грудь обезглавленного алхимика столь молниеносно, что не успело отзвучать эхо удара, как и это тело уже вылетело из окна и приземлилось точнехонько поверх тела казненной няньки. Голова придворного алхимика – внушительная масса седых волос и морщин, которая прежде производила впечатление мудрости, а теперь (за счет произведенных мечом стрижки и бритья) казалась всего лишь дурацки напыщенной, встала на отрубленной шее рядышком с головой няньки.

Король, покончив с относительно приятной частью своих обязанностей, скорбно взглянул на придворную колдунью.

– Ваше величество, – изрекла она, – даже и не знаю, как мне оправдаться за случившееся. Ведь я тоже была здесь. Мне бы следовало почувствовать, как наложенные мною заклятия

вдруг снялись. Но я ничего не почувствовала, не встревожилась, а ведь мне следовало встревожиться из-за того, что сюда проник посторонний, а в особенности – персона королевской крови. Мое искусство потерпело поражение, ваше величество, а для колдуньи это непростительно.

Король Бонифаций всегда питал теплые чувства к колдунье. Женщина она была добрая и заклятия накладывала только такие, которые потом было очень легко снять, а испытания назначала исключительно такого сорта, что выдержать их мог любой. Она – наряду с порохом, печатным прессом и искусством рисования перспективы – практически излечила Королевство от страха перед колдовством. Здесь почти позабыли о суровых испытаниях и мрачных проклятиях, и большинство людей давно считали их достоянием прошлого, на которое следует обращать еще меньше внимания, чем на легенды и сказки.

И все же король вынужден был признать, что колдунья права, и не только в отношении того, что стряслось сегодня, а вообще: ее пресловутая доброта в немалой степени обуславливалась ее некомпетентностью. Колдунья была не способна наложить по-настоящему действенное заклятие или назначить герою такие испытания, при которых он лицом к лицу столкнулся бы с собственной слабостью, а также не могла она и проклясть кого-нибудь так, чтобы тому действительно не поздоровилось.

И все же Бонифаций пребывал в некотором замешательстве: он понимал, что на том, кто мирился с подобной некомпетентностью, лежит часть вины, а ведь он таки с нею мирился. И теперь, хотя он и осознал, что его симпатия к колдунье – глупость, он осознал и другое: держать ее на столь высокой должности только из-за того, что она ему симпатична, еще глупее.

И пока король терзался такими вот раздумьями, придворная колдунья обратилась к начальнику стражи и спросила:

– Не будет ли удобнее, если я встану у окна, вот тут?

– Если не трудно, отойдите чуть левее и сделайте полшага вперед, – пробормотал начальник стражи. – Да, и еще, если бы вы могли подобрать волосы...

Колдунья так и сделала – старательно и немного конфузливо. На нее и раньше-то смотреть без ужаса было трудновато, как на всех колдуний, но свою шею – всю в складках и морщинах, похожую на шкуру ящерицы, она прежде открыто никогда не демонстрировала и потому, понятное дело, смутилась.

Стянув заколкой волосы, придворная колдунья вытянулась по струнке, словно ребенок на похоронах. Начальник стражи уже вытащил свой меч (на сей раз совершенно бесшумно) и, опустив лезвие на ладонь, негромко поинтересовался, глядя колдунье прямо в глаза:

– Не желаете ли что-нибудь еще сказать? Но уже на слове «что-нибудь» начальник стражи хорошенько размахнулся, меч его описал широченную дугу и снес колдунье голову прежде, чем она успела сообразить, что происходит. Далее последовал пинок, от которого тело колдуньи вылетело в окно и улеглось на булыжник. Голова же взлетела в воздух и, роняя шпильки и булавки, встала рядышком с головой королевского алхимика.

На лице колдуньи не запечатлелось ни изумления, ни гнева – лишь некоторая задумчивость, ведь она и вправду задумалась над вопросом начальника стражи. В общем, вид у ее головы был чуточку посимпатичней, чем у первых двух, но мертвая колдунья была никак не меньше, чем бывшие обладатели этих самых двух первых голов.

Король Бонифаций, собравшийся было возразить и напомнить начальнику стражи о том, что в Королевстве не принято давать обреченным на казнь преступникам последнего слова, напугался настолько, что лишился дара речи, и он еще не успел даже додумать следующей мысли, как начальник стражи, опередив его, заявил:

– Теперь наш милостивый сюзерен намерен сказать – но ему трудно говорить об этом ввиду его глубочайшего милосердия, – что и на мне также лежит доля вины.

Никогда прежде начальник стражи не был столь многословен, но поскольку все понимали, что, завершив тираду, он умрет, никому и в голову не пришло прерывать его.

– Вероятно, – продолжал начальник стражи, – и вы, ваше величество, и все остальные задумались о тех затруднениях, какие могут возникнуть при том, что мне придется самому отрубить себе голову, разместить ее рядом с уже отрубленными ранее головами, избавиться от прочих моих останков посредством выбрасывания их через окно, – после чего ведь еще нужно убрать меч в ножны! Вы вольны поразмышлять над тем, насколько трудна эта задача. Прошу у вас минуту тишины, в течение которой и я позволю себе это обдумать.

В лаборатории воцарилась мертвая тишина. Лишь время от времени капли крови, стекавшей с подоконника, шлепались на пол – и это шлепанье только и нарушало мертвую тишину. Капитан ссутулился, дыхание его замедлилось, взгляд стал чистым, ясным, устремленным в невидимое далеко, и наконец на губах его заиграла улыбка.

«Сейчас он скажет: „Я придумал“, – решил король Бонифаций, – и это славно, потому что я – нет».

«Вжик!» – взвизгнул меч куда громче, чем тогда, когда начальник стражи сносил головы няньки и алхимика, но взлетел быстрее и бесшумнее, чем тогда, когда он расправлялся с придворной колдуньей. Начальник стражи крутанулся на месте, подбросил меч в воздух, и тот упал, когда казнимый еще не успел совершить полный оборот, но зато успел подбросить к потолку ножны, да еще и исполнил сальто-мортале.

Обезглавленное тело начальника стражи вылетело из окна как раз в то самое мгновение, когда его голова с глухим стуком опустилась на пол рядом с головой придворной колдуньи, и в тот же миг меч убрался в падающие из-под потолка ножны, издав печальный скрип, а затем упал на каменный пол – точнехонько на то самое место, где совсем недавно стоял начальник стражи.

– Поистине, – изрек король Бонифаций, – это он ловко проделал.

И все дружно заплодировали.

Сделав два шага вперед, дабы лучше разглядеть выстроившиеся в рядок головы и стараясь при этом не испачкать в крови свою мантию, король, охваченный лишь на миг сожалением, распорядился, указав на голову няньки принца:

– Выбросить ее на помойку в назидание за ее небрежность.

Насчет головы придворного алхимика воспоследовало такое распоряжение:

– Его голову отдать какой-нибудь знахарке, пусть использует ее для изготовления приворотного зелья или каких-либо еще снадобий, в назидание за его гордыню.

Взглянув на голову придворной колдуньи, король сказал:

– Похоронить, как подобает.

А на предмет начальника стражи приказ был такой:

– Похоронить со всеми приличествующими почестями. Придворные и лакеи, а особенно те лакеи, что мечтали о производстве в придворные, стремглав бросились исполнять приказы короля.

Премьер-министр Седрик потянул Бонифация за рукав. Он знал, что король этого терпеть не может, но частенько только так и можно было привлечь к себе внимание его величества.

– Ваше величество, теперь при дворе имеются четыре наиважнейших вакансии.

– Что ж, разошли весть о том, что есть такие вакансии, – отозвался Бонифаций. Он немного нервничал – отчасти потому, что только что ему довелось разделаться с весьма непростой проблемой, но больше из-за того, что кое-что ему не нравилось в Седрике: в частности, его склонность к тому, чтобы надоедать королю всякими мелочами, с которыми, на взгляд Бонифация, премьер-министр мог бы и сам без труда справиться. – Распространи эту весть через трубадуров и пилигримов, воинов и бродяг, разбойников, моряков и возниц, странников и нищих – как это всегда делается.

– Но, – нервно выговорил премьер-министр, – но до тех пор, пока эти должности не заняты, то есть пока весть не разослана, пока на нее никто не откликнулся, пока желающие не опрошены и не сделан окончательный выбор – а на это уйдет не один месяц – кто же будет исполнять соответствующие обязанности?

Из-за того, что Седрику пришлось задать королю этот вопрос, он так разволновался, что совсем забылся и занялся тем, что королю в его манерах было особенно ненавистно: засунул бороду в рот и принялся яростно жевать ее. Спohватившись, премьер-министр выхватил бороду изо рта и вытер ее о черный бархатный воротник алой шелковой мантии. Это произвело на короля Бонифация не менее отвратительное впечатление.

Король был человеком деликатным и ценил Седрика за его более положительные качества, включая и тот факт, что премьер-министр отличался редкостной скрупулезностью в делах управления Королевством и почти никогда не забывал об архиважных задачах.

– Я об этом не подумал, – признался король и одобрительно улыбнулся, надеясь, что тем самым удержит бороду премьер-министра от нового пережевывания. – Однако я полагаю... что в ближайшее время у нас вряд ли появятся новые отпрыски королевского рода, а потому можно будет обойтись без соответствующих заклятий. Да и прежние-то были столь ненавязчивы, что их отсутствия, думаю, никто не заметит.

Только теперь король не без некоторого раздражения вспомнил, что последние три охранных заклятия были рассчитаны на такие маленькие неприятности, как возможные падения младенцев при обучении ходьбе.

– Все, кому положено пройти испытания, их уже проходят, – сказал король, – так что пару-тройку месяцев мы без придворной колдуньи обойдемся.

На самом деле самый младший вельможа только что вернулся из далекой Гектарии с чашкой сахара, потребной для излечения дамы его сердца от икоты. Покойная колдунья по части испытания была столь же нежестока, сколь и по части заклятий.

– Кроме того, – заявил король, уразумев, что фактически уже несколько лет Королевство обходилось без Придворной колдуньи, – думаю, что и насчет отсутствия придворного алхимика нам особо переживать не стоит. Прежний был на редкость запаслив, все заготавливал в избытке, и если что оставалось, не выбрасывал. Так что скорее всего его заготовок нам на год хватит. Что же до должности начальника стражи...

И тут короля озарило, а именно периодическими озарениями он завоевал славу перво-сортного короля.

– Седрик, – изрек он, – поскольку у нас нет ни парламента, ни выборов и государство наше пребывает в зачаточном состоянии, у меня давно бродила мысль: должность премьер-министра вполне можно совмещать с какой-нибудь еще работой. А раз так, то ты вполне можешь справиться с деятельностью начальника стражи и верховного главнокомандующего. Фехтовальщик ты первостатейный, так что лучшей кандидатуры, чем ты, и не сыскать.

Премьер-министра такое предложение поистине потрясло. Рука его уже потянулась к бороде, но он вовремя одернул себя и ответил:

– Хорошо, ваше величество, ради вас я готов на это. На самом-то деле сердце у него очень даже радостно забилося, потому что он никогда не мечтал о карьере придворного чиновника. Наоборот – его всегда привлекала жизнь настоящего воина.

– Если старательно распределить время, ваше величество, работа премьер-министра будет отнимать у меня не более нескольких часов по утрам раз в неделю, при условии, что обязанности церемониймейстера вы возложите на канцлера.

А канцлер был кузеном Седрика, и Седрик его весьма недолюбливал.

– Решено, – кивнул король. – Безусловно, со временем тебе нужно будет подыскать достойного человека, который заступил бы на должность начальника стражи на полный рабочий день, а пока ты будешь получать жалованье за работу на том и другом посту целиком.

Ну а когда ты снова станешь премьер-министром, мы обсудим, как нам быть, если подобная ситуация возникнет в будущем.

И Седрик решил елико возможно отличиться в должности начальника стражи, дабы стать незаменимым.

Он так воодушевился из-за того, что принял такое решение, что осмелился напомнить королю еще об одном нерешенном вопросе:

– А как же должность няньки принца? Кто теперь будет выполнять ее работу, ваше величество?

– Ну... а-а-а... – На сей раз король задумался надолго.

На должность придворной няньки требовалась особа безупречного поведения, но не потому, что такое поведение в дальнейшем ожидалось от принца, а просто для того, чтобы принц знал, что это такое. Так исторически сложилось, что пост этот обычно занимала уродливая принцесса-бесприданница, страстно обожавшая детишек.

К несчастью, все принцессы, что жили на расстоянии не менее года езды от Королевства, были либо хорошенькие и потому не страдали от отсутствия женихов, либо являлись сводными сестрами каких-нибудь злодеев, а уж это никуда не годилось.

– Ну... – задумчиво протянул король. – Ну... – повторил он, и наконец, когда борода премьер-министра уже успела почти целиком исчезнуть во рту, Бонифаций сказал:

– Пожалуй, я смог бы... гм... то есть я стану... сам ухаживать за малышом. Ничего тут такого особенного нет, на мой взгляд. Надо только, чтобы парочка наших дам показали мне, так сказать, азы, а потом... не думаю, чтобы это оказалось труднее, чем битва с драконом с Горы Летучих Мышей, в которой я одержал победу, будучи принцем, или командование войском в сражении на Колокольном Побережье прошлым летом.

Премьер-министр, вырастивший несколько детей, очень хотел бы предостеречь короля и сказать ему, что на самом деле это куда как сложнее, чем кажется на первый взгляд, но во рту у него, помимо бороды, уже находились внушительные бакенбарды. И к тому моменту, когда Седрик открыл рот, откуда вывалилась перепачканная слюной спутанная куча волос, говорить что-либо было уже бесполезно. Конечно, он мог бы еще предпринять попытку отговорить короля от принятия поспешного решения, но как раз в это время кто-то из придворных наконец удосужился взглянуть на принца Амагуса и дико заорал.

Он в самом деле стал получеловеком. Все, что располагалось слева от центра, если принять за центр переносицу, исчезло, как ножом срезали. А принцу хоть бы хны. Он прыгал и хлопал в ладоши: бил правой ручкой по отсутствующей левой. Похоже, сам он никакой ущербности не замечал и весело смеялся, вот только никаких звуков из его ротика при этом не вылетало.

– Почему мы его не слышим, как ты думаешь? – поинтересовался король после очень долгой и неловкой паузы.

– Гм-м, – глубокомысленно изрек премьер-министр, который уже почти овладел собой. Он боялся одного: что король примется на него кричать, ну а поскольку этого не произошло, тут же заработали такие качества Седрика, как здравый смысл и находчивость.

– Ваше величество, – предположил он, – вероятно, смех принца заглушает хлопанье в ладоши, но поскольку хлопанья в ладоши мы не можем слышать по определению...

– Так как он хлопает одной рукой. Ясно. Что ж... То, что от него осталось, выглядит недурно и чувствует себя, похоже, неплохо. А тебе не кажется... может быть, он просто наполовину невидим, и тогда невидимую половину можно было бы просто покрасить хорошенько, и дело с концом?

Седрик печально покачал головой:

– Будь это так, мы бы слышали, как он хлопает в ладошки. Кроме того, обратите внимание: его правый глаз не косит, следовательно, видит он как бы обоими глазами, но его левый

глаз нам не виден, а раз мы его не видим, значит, он не реагирует на свет, и потому неясно, как нас может видеть отсутствующий глаз.

Разглагольствуя таким образом, премьер-министр медленно, но верно подобрался к принцу и в конце концов схватил его и взял на руки. Принц беззвучно хихикал и вырывался. Поднеся ребенка к королю, Седрик добавил:

– Вот видите, ваше величество, от него только половинка осталась. Я не нащупываю ни призрачной ножки, ни призрачной ручки – моя рука свободно пересекает то пространство, где должна бы располагаться вторая половина принца. Но ее нет.

– А... просто из любопытства... поверните-ка его ко мне левым боком, – попросил король.

– Не могу, ваше величество. У него нет левого бока.

– Тогда встаньте ко мне лицом, а его поверните к себе правым боком. Ой-ой-ой... Ничего не вижу.

– Ну, естественно. – Премьер-министр, словно солдат на боевом посту, вытянулся по струнке, и его былой бюрократизм как рукой сняло – только жеваная борода о нем и напоминала. – Вы смотрите на его левый бок, но ведь его нет, а что можно увидеть, когда смотришь на то, чего нет?

Спорить не приходилось. Король кивнул:

– Что ж, остается надеяться, что теперь штанишки ему менять придется наполовину реже. Распорядись, чтобы ко мне привели парочку нянек – пусть покажут, что надо делать и как. И не затягивай с объявлением вакансий. Дело, конечно, непростое, но я думаю, через пару недель у нас будет предостаточно кандидатов с превосходными рекомендациями.

Король взял Аматуса на руки, причем сын не показался ему легче, чем тогда, когда он в последний раз держал его на руках – неужели это было так давно? – и вышел из лаборатории.

И как только король удалился, Седрик принялся воодушевленно и радостно выкрикивать приказы, как будто всю свою жизнь был начальником стражи.

Глава 2

ПОДХОДЯЩИЕ КАНДИДАТУРЫ

Король оказался прав. Не прошло и двух недель, как в Королевство, известное своими богатствами, хлынули толпы квалифицированных соискателей.

Но пока никто из них не был утвержден на должности няньки принца, придворного алхимика, придворной колдуньи и начальника стражи.

Отчасти дело осложнялось тем, что прежде всего нужно было утвердить кого-то на пост няньки. Бонифацию что-нибудь да не нравилось в каждой из соискательниц. Одни казались ему грубыми, холодными и чересчур строгими, другие – слишком снисходительными, сентиментальными и неряшливыми. Молоденькие и сами были несмышлеными девчушками, а старухи – ну разве можно ждать, что старуха поймет ребенка? Толстухам недоставало самообладания, а тощие не нравились королю своей язвительностью и желчностью. Словом, каждая из кандидатур высоким требованиям Бонифация не удовлетворяла.

Примерно с полдюжины соискательниц оказались, что называется, «серединка на половинку». Этих король счел невыносимыми занудами и отверг еще решительней, чем остальных.

Седрик, своими глазами наблюдавший за всем этим, мог бы злорадно повеселиться, вот только трудно веселиться искренне, одновременно ощущая себя в столь же приподнятом настроении, как пиранья в пруду с золотыми рыбками.

И все же повод для веселья существовал, поскольку Бонифаций, который еще с тех пор, как был совсем юным принцем, не помышлял ни о чем ином, как о том, чтобы стать королем, вдруг обнаружил в себе недюжинный отцовский талант. Теперь он всюду таскал с собой Амата – на турниры, на бал птичников, на охоту на цвибеков в ущелье Айсот, на Железное озеро, где они плавали под парусом, в восточные пустыни с военным патрулем, на торжественное чествование выпускников королевского университета, на торжество в честь спуска на воду грандиозного речного корабля «К. С. Бонифаций».

Король сажал маленького принца на плечи или нес на руках, но теперь все чаще держал малыша за ручку или усаживал на коня – то позади, то впереди себя.

Они вместе ели, вместе смеялись и болтали (а Амабус разговаривал все лучше и лучше) о том, как называются деревья, о том, как правильно держать меч, о том, где лучше поставить фургоны на поле боя, дабы спрятать за ними кулеврины, о повадках птиц, о тактике сражений с драконами, о вольгарианской чайной церемонии, о том, как лучше заряжать орудия и разворачивать лодку, и том, как важно говорить «спасибо» простым людям. Самое главное – они все лучше узнавали друг друга, и принц Амабус, как и любой другой ребенок, от такого воспитания расцветал на глазах, да и король тоже – а ведь такое дано немногим счастливым взрослым людям.

Так что удивляться тому, что король никак не может выбрать новую няньку для принца, не приходилось, хоть сам он порой и жаловался на двойную нагрузку.

Не мог и Седрик мысленно потешаться над королем всюю, так как большую часть времени упивался собственными радостями. Так уж получилось, что Королевство несколько лет жило в мире, исключая только внезапное вторжение из Загорья прошлым летом. Эта война разразилась столь молниеносно (дело в том, что до Бонифация еще не успели дойти слухи, что Вальдо узурпировал престол и прикончил все королевское семейство, к тому времени, когда его войско вторглось в пределы Королевства), что поначалу в западных провинциях народ отражал атаки захватчиков, что называется, голыми руками. Но затем войску Вальдо было нанесено сокрушительное поражение на Колокольном Побережье, и с тех пор угроза войны стала весьма незначительной.

Так уж повелось, что в Королевстве начальник стражи являлся также и верховным главнокомандующим, но поскольку для деятельности на первом посту требовался отважный воин с хорошей реакцией, прекрасно владеющий мечом, а на втором – искусный и изворотливый руководитель, крайне редко труд на обоих поприщах приносил одинаковые успехи. За время долгого мира прежний начальник стражи, будучи безупречным мастером боевых искусств, армию забросил и довел до состояния удручающего разброда и шатания.

К счастью, Седрик в боевых искусствах был далеко не любителем и всегда сам отлично знал об этом, а что еще более удачно – он был и талантливым руководителем, что явствует из его прежней деятельности. Вскоре после того, как он заступил на пост начальника стражи, он принялся пробовать, пытаться, нажимать, допрашивать, оценивать, ссориться, вводить всякие новшества, отменять прежние приказы и отдавать новые таким зычным голосом, что очень скоро в армии был восстановлен образцовый порядок.

Поначалу он застал поистине ужасающую картину: дороги и укрепления разрушены, солдаты и офицеры обленились до крайности.

Седрик незамедлительно отдал приказы: перестроить, укрепить, перегруппироваться и приступить к каждодневной муштре.

Шайка дьякона Дика Громилы бесчинствовала уже возле самой столицы и даже на город время от времени совершала налеты, а однажды эти разбойники напали на капитана с небольшим отрядом и ограбили их – изъяли кое-какие вещи исключительно сентиментального свойства (а больше у вояк ничегошеньки не было при себе, так как квартирмейстеры постоянно задерживали выплату жалованья).

Тут же были организованы конные патрули, выставлены дозоры, зажжены сигнальные костры. На стенах крепостей воцарились устрашающего вида кулеврины, волна залпов и ружейного огня пронеслась по северным равнинам, сверкнули мечи на сотнях темных дорог, и довольно скоро Громила и его шайка, изрядно потрепанная и утратившая прежний задор, откатились далеко на север, где промышляли мелкими грабежами вдоль Длинной Речной дороги. В этих краях Седрик им закрепиться позволил, так как считал шайку Громилы необходимым компонентом естественного равновесия.

В королевском арсенале не было обнаружено ровным счетом ничего, кроме обрывков заплесневелой кожи, медных пуговиц и пряжек и здоровенных куч ржавчины. Ничего тут не было такого, что могло бы с треском взорваться, посему взорвался Седрик. Очень скоро плавильные печи и пороховые мельницы уже работали днем и ночью, кузнецы и оружейники дивно разбогатели на заказах, в частности, из-за того, что им не приходилось вопить на подмастерьев – это дело было поручено офицерам, раньше охранявшим проржавевший арсенал, передвижение которых по кузницам и у печей несколько сдерживали наручники и кандалы.

Занимаясь всем этим, Седрик чувствовал себя в своей стихии и тем упивался. Выявив в рядах армии потерявших выправку и разжиревших солдат, он закатил им такую муштру, что, как они ни стонали и ни проклинали его, в конце концов поняли, что на них куда благосклоннее стали поглядывать красотки из таборов у реки и вульгарианские девицы, прислуживающие за столиками и подтирающие пролитый бильж в придорожных кабачках, в народе именуемых «ступорами».

Седрик жестоко расправился с растратчиками и взяточниками. Самых закоренелых казнил, поскольку, на его взгляд, в тюрьмах они бы только тем и занимались, что грабили сокамерников, большими богачами которых и так назвать было нельзя. Седрик поднимался с постели ни свет ни заря, но спал крепко, как спят люди со спокойной совестью.

Но конечно, ему до смерти хотелось поручить такую работу, как «бессмысленное торчание во дворце с мечом наголо и обвинение за все, что идет не так, как надо» (так он говорил об этом в узком кругу), своим наиболее надежным заместителям.

Словом, занят был Седрик по уши, и времени на то, чтобы производить отбор кандидатов на должность начальника стражи, у него было ничуть не больше, чем у короля на просмотр соискательниц поста придворной няньки. А учитывая тот факт, что, как только подходящий начальник стражи будет найден, Седрику, хочешь не хочешь, пришлось бы вернуться к работе премьер-министра, он с выводами не торопился и с легкостью заключал, что каждый из претендентов – туповатый рубака, безмозглый осел, который тут же вернет войско в проржавевшее и заплесневелое состояние. В этом его настроения совпадали с настроениями короля.

Надо сказать, Седрик был недалек от истины, так как среди желающих трудиться на посту начальника стражи талантливых генералов было – по пальцам сосчитать. Дело в том, что слава прежнего начальника стражи в боевых искусствах была столь велика, что занять его место порывались именно отчаянные рубаки, а вот выдающиеся стратеги и полководцы, сомневающиеся в своих навыках фехтовальщиков, свои кандидатуры предлагать не торопились.

В общем, оба столь ответственных поста оставались вакантными, а поскольку они-то и были самыми важными, то про то, что Королевству необходимы придворный алхимик и придворная колдунья, и вообще было забыто. То есть претендентов вообще не принимали.

От такого пренебрежительного отношения многие из них (особенно колдуньи) не выдержали долгого ожидания и покинули Королевство, а по пути обратно со злости накладывали заклятия на дороги, деревья и мосты. Мало того: редкий алхимик удерживался от того, чтобы не плеснуть дрейксида – кошмарного зелья, от которого змеи и ящерицы превращались в драконов, – в пруды и каналы, где, естественно, расплодилось уйма всяческой ядовитой мерзости.

Седрик втайне радовался такому обороту дел, так как это давало ему возможность нагрузить солдат заданиями под завязку, да и королю скучать не приходилось: ему приходилось то и дело отправлять кандидатов в рыцари сражаться с чудовищами покрупнее.

Вот так прошел год и еще один день. Войско преобразилось до неузнаваемости. Бонифация стали за глаза называть «веселым» королем, и пошли слухи о том, что скорее всего в Хрониках он будет именоваться не Бонифацием Грозным, как полагали прежде, а Бонифацием Жизнерадостным. Седрик при дворе был – сама учтивость и галантность, а на поле боя – сама неустрашимость и задор. И всюду, куда бы ни забрасывала его судьба, он был очень доволен собой. Он даже бороду жевать перестал, и они с королем крепко подружились. А Амагус набирался ума-разума и подрастал – точнее сказать, подрастала половинка Амагуса.

На ту пору желающие занять четыре вакантных места при дворе стали появляться крайне редко. Немалую роль в этом сыграли те самые пилигримы, странники и иже с ними, через которых Седрик в свое время разослал весть. Теперь они, люди по определению неглупые, всякому встречному втолковывали, что топтать в Королевство – напрасный труд. Между тем на стене, окружавшей королевский замок, теперь неусыпно дежурили дозорные, и когда на западной дороге, что вела к Мосту Тысячи Лиц, показались четверо незнакомцев с зеленым флагом (а это означало, что как минимум один из них – кандидат на вакантную должность), оглушительно взревели фанфары и зазвонили колокола.

А поскольку соискатели не появлялись уже не меньше месяца, их прибытие, которое месяцев десять назад наверняка осталось бы незамеченным, в этот день вызвало некоторый интерес. Более того – король оказался в замке – с Амагусом, по обыкновению. На месте был и Седрик, часок-другой в неделю уделявший таки обязанностям премьер-министра. Как правило, в эти часы он занимался заполнением каких-нибудь простеньких документов или отправкой писем с напоминаниями о необходимости поторопиться кое-каким вассалам, уклоняющимся от принятия непростых решений.

И поскольку случая для помпезных торжеств давно не выпадало, четверо странников были препровождены в замок в окружении почетного эскорта гвардейцев.

Стоило принцу Амагусу услышать шум и гам, как он выразил страстное желание взглянуть на парад. Ну а поскольку Бонифаций был нисколько не против того, чтобы хотя бы при-

твориться исполняющим обязанности короля, то и король, и принц, и премьер-министр поспешили в тронный зал, дабы там ожидать прибытия процессии.

Все придворные, кто услышал колокола и фанфары, сбегались в тронный зал в ожидании развлечения. Жизнерадостность Бонифация и мудрое руководство Седрика оказали благотворное влияние на вельмож, и теперь они отучились коротать свой досуг в интригах и предвкушениях кризисов.

Только-только Бонифаций успел усесться на трон, а Седрик – встать позади него, а придворные только-только успели напустить на свои физиономии высокомерные выражения (кроме Аматауса, конечно, – этот улыбался широченной полуулыбкой, просто-таки сгорая от нетерпения, так ему хотелось поскорее увидеть парад), как в зал вошел первый гвардеец из почетного караула.

Четверо копейщиков выстроились по бокам от вассала, который нес королевский штандарт с вышитыми на нем Рукой и Книгой. Седрик не без удовлетворения отметил, что шагают гвардейцы в ногу, держатся прямо и торжественно и что сапоги, копья и триолеты у них в образцовом порядке. А еще больше он порадовался, когда король Бонифаций незаметно пожал ему руку.

За четверкой копейщиков последовало четверо будущих рыцарей, пока еще не посланных на испытания. Их шпоры весело звенели, плюмажи на шлемах грациозно покачивались. Как подобало особам такого ранга, будущие рыцари были разодеты во все цвета радуги. Ткани дорогих одежд изящными складками ниспадали из прорезей их камзолов, и шлемы у всех были разные, только перья плюмажей одинаковые – черные, как положено.

А за будущими рыцарями в тронный зал вошли соискатели.

И сразу стало ясно, что занять место при дворе желает не кто-то один из них. Прежде всего внимание присутствующих привлек высокий широкоплечий мужчина с солидным брюшком, темными волнистыми волосами до плеч, аккуратно подстриженной бородой в форме лопаты, красноватым лицом (что говорило либо о том, что он много времени проводит на воздухе, либо о том, что он изрядный выпивоха, либо о том и другом вместе), большими блестящими зелеными глазами и полными красными губами. Выражение физиономии у этого человека было такое, будто он готов в любой миг запеть песню или весело расхохотаться. Одет незнакомец был в кожаный камзол до колен, потертые легинсы, тяжелые сандалии. На голове у него красовалась квадратная шляпа – в таких ходили странствующие ученые. Из дорожного мешка высовывалось горлышко реторты и какая-то деталь небольшого перегонного куба, из чего можно было заключить, что он – алхимик. Аматаус радостно заурчал и шепнул отцу:

– Хороший дядя.

Бонифаций и сам не удержался от улыбки. За алхимиком следовала дама – судя по всему колдунья, каких еще поискать надо. Волосы у нее были не седые и засаленные, а белые, как снег, густые и чистые, как у светловолосого малыша. Глаза у нее были такие же большие, как у алхимика, вот только казались темными колодцами, потому что у них не наблюдалось ни белков, ни зрачков, ни радужек. Казалось, будто сама ночь живет в глазах колдуньи. Кожу ее покрывали крошечные мягкие чешуйки, похожие на змеиные, бело-голубоватые, словно снежное поле в сумерках в январские морозы. Из-под верхней губы виднелись безукоризненно белые клыки. Голубоватая кожа так обтягивала скулы и подбородок, что казалось, они ее вот-вот проткнут. Платье на колдунье было традиционное – длинное, черное, но в отличие от бесформенных хламид других колдуний, старавшихся скрыть свои уродливые тела, у этой колдуньи платье облегалo фигуру и при каждом шаге отливало радужными бликами. А фигура у колдуньи была такая, что любая молодая женщина могла позавидовать. Погляди мужчина только на ее фигуру – он бы ее мигом возжелал.

На фоне колдуньи и алхимика остальных двоих можно было бы не заметить, но именно на них-то взгляд и задерживался дольше, будто было в них что-то такое, чего сразу не разгля-

дишь. Девушка лет шестнадцати могла быть либо простолюдинкой, одетой чуть богаче, чем подобало бы, либо, наоборот, – богачкой, нарядившейся под простолюдинку. Ее скромное платье, некогда сшитое из белого льна, стало серым от множества стирок и странствий по пыльным дорогам. Такой же вид имела и шерстяная шаль. Ни худышкой, ни толстушкой назвать девушку было нельзя. Волосы ее цветом напоминали старое дерево, выкрашенное под орех. Прямые и густые, они падали до талии девушки, и если у нее была тетка, она наверняка в свое время втолковала ей, что волосы – это ее главное украшение. Бледная, с редкими маленькими веснушками кожа, серые, как штормовое море, глаза. Девушка озиралась по сторонам так, словно никогда прежде не бывала при дворе, не знала, что это такое, а потому не понимала, надо ли восхищаться.

Взглянув на мужчину, идущего следом за девушкой, всякий бы поначалу решил, что это слуга, так как на нем был выцветший поношенный плащ, в котором можно было спокойно улечься и остаться незамеченным на осеннем поле – похоже, там этот незнакомец большей частью и спал, или на грязной дороге – а похоже, он шагал как раз по таким дорогам. Приблизительно такого же цвета была и остальная одежда. Лицо мужчины скрывала широкополая шляпа, и если плащ его можно было приблизительно назвать сероватым, то шляпа тогда была, пожалуй что, коричневатая.

Между тем как раз он почему-то наиболее долго задерживал на себе любопытные взгляды. Первое, что бросалось в глаза, так это то, что роста он был необычайно высокого – намного выше своих спутников, а второе – то, что передвигался он как-то странно, неровно. Не исключено, что широкий плащ скрывал какие-то уродства, но между тем в движениях великана чувствовались сила и стремительность. И наконец, внимание на себя обращало то, что скрывалось в тени широкополой шляпы, – не лицо, а какая-то серая железная маска, испещренная белыми, коричневыми и красными линиями.

Наверняка на поясе у него висела уйма оружия, и эти догадки подтвердились: полы плаща незнакомца распахнулись, и изумленным взорам предстали меч, палица и три кинжала таких внушительных габаритов, что все просто ахнули.

– На этом человеке не меньше тридцати фунтов железа, – вырвалось у Седрика, – и у него неровная походка и, похоже, горб, и все же я бы поставил на него, если бы он побегал наперегонки с любым из юношей в Королевстве. А еще я готов поспорить, под плащом у него широченная португепя с двумя огромными пряжками и обоюдоострый топор.

Король Бонифаций кивнул:

– Прошел год и еще один день со времени... несчастного случая?

Седрик на миг задержал дыхание.

– О да, ваше величество, это так. Вы правы. Именно о таком сроке часто говорится в сказках. Полагаю, нас ждет нечто необыкновенное.

Аматус свои впечатления выразил вслух. Он пальчиком указал на гостей и сказал:

– Хорошие... страшные... хорошие... страшные.

Бонифаций с опозданием прижал ладонь к губам сына и шепотом велел ему молчать. Наступила долгая пауза, а потом алхимик и девушка весело рассмеялись, а колдунья улыбнулась краешком губ, а Седрику показалось, что странный незнакомец в плаще и шляпе тоже коротко хохотнул, хотя... только много лет спустя Седрик поймет и напишет об этом в «Хрониках» – самых достоверных документах, откуда нам известно о тех днях, – то был единственный раз, когда он видел, как смеется этот человек.

Тут и придворные решили, что можно посмеяться, и даже гвардейцы с трудом сдерживали улыбки, но все же сдерживали и этим доставили невыразимое удовольствие Седрику. Гвардейцы сопроводили гостей к трону. Как полагалось в таких случаях, алхимик возложил зеленый флаг к ногам короля.

Бонифаций улыбнулся гостям:

– Очевидно, хотя бы некоторые из вас прибыли сюда для того, чтобы просить о должности при дворе.

Алхимик низко поклонился:

– Все четверо, ваше величество, и мы хотели бы просить обо всех четырех вакансиях. У нас имеются необходимые рекомендации. А если нужно, мы могли бы продемонстрировать свое мастерство.

– А как вас зовут? – поинтересовался Седрик. На сердце у него стало тяжело. «Я ни за что не захотел бы сразиться с этим странным незнакомцем, и уж конечно, из него получится отличный начальник стражи. Похоже, придется мне опять засесть за бумаги, за заполнение протоколов, а это значит, что арсеналы, да и не только они, снова заржавеют. И года не пройдет». Вот какие печальные мысли бродили в голове у Седрика.

– Зовут меня Голиас, – ответил алхимик, – скорее всего потому, что таково мое имя. – Как вы, наверное, уже догадались, я алхимик, не слишком опытный пока, но очень способный. Я прошу о месте придворного алхимика, и если мне будет позволено добавить, то...

Колдунья кашлянула.

Голиас поспешно проговорил:

– Мою подругу зовут Мортис, и она просит о должности придворной колдуньи. Некогда она была королевой, но хотя это было давным-давно, она хорошо помнит о тонкостях жизни при дворе. Она строга и непоколебима, немногословна, но удивительно могущественна и...

– Заканчивай, – распорядилась колдунья. Голиас едва заметно вздрогнул, но продолжал:

– Мой спутник, чья внешность наверняка вызвала у вас недоумение, пребывает под заклятием, из-за которого сам он не может произнести собственного имени и раскрыть суть этого заклятия. Там, где он побывал, его чаще всего называли Кособоком. Он воин, телохранитель, фехтовальщик...

– Палач, – изрек Кособокий. Голос из-под маски прозвучал, словно порыв сырого ветра из пещеры, будто звук разбитого в полночь окна. – Недурственно управляюсь с чудовищами и всякое такое. Но я не полководец. Вряд ли кто-то с радостью пойдет за мной в бой и будет исполнять мои приказы. Главнокомандующий вам понадобится отдельный, но все-таки я прошу о месте начальника стражи.

Король Бонифаций сдержанно кивнул. Он знал, как много значит для Седрика должность главнокомандующего. Он решил, что вполне мог бы иметь и начальника стражи, и главнокомандующего. Тем самым Седрик мог бы заняться любимым делом, ни на что более не отвлекаясь, а король получил бы первосортного телохранителя. Надо сказать, Седрик редко поручал эту работу по-настоящему образцовым военным – он предпочитал, чтобы они находились там, где, на его взгляд, им подобало находиться, – то бишь в казармах. Так получилось, что Кособокий предложил то, о чем король и сам уже подумывал, и это произвело на короля весьма благоприятное впечатление.

– Ну, – сказал король, предотвратив долгие пояснения Голиаса, – а юная дама, я полагаю, желает просить о месте няньки принца, и наверняка она имеет немалый опыт в этом деле.

Король постарался говорить чуть насмешливо – так, чтобы немножко рассмешить придворных, но не обидеть при этом девушку. Он был королем, а потому мало кто решался вести себя с ним искренне, и потому Бонифацию чаще всего не удавалось определить, какой именно эффект производят его высказывания. А это так неприятно.

– Ваше величество, – произнесла девушка негромко, но голос у нее оказался такой мелодичный, что все невольно наклонили головы, чтобы услышать получше. – Меня зовут Психея. У меня нет никакого особенного опыта. Я просто знаю, как и что делается, тружусь усердно, а детишки мне, как правило, нравятся, хотя, правду сказать, тут многое от ребенка зависит – ведь все дети разные.

Впервые Бонифаций услышал от соискательницы места няньки слова о том, что для нее все дети разные, и из-за этого девушка ему сразу приглянулась.

Аматус поддержал отца. Он принял подсказывать на месте и изрек:

– Хорошая тетя. Она останется тут?

А Психея улыбнулась малышу и тем самым закрепила свой успех в глазах короля.

«Ведь как ни крути, а год и еще один день – в сказках поистине решающий срок», – напомнил себе король. Однако ему были известны и правила, и потому, хоть он и был уверен, что на сей раз к нему явились поистине достойные кандидаты на ключевые должности при дворе, Бонифаций сказал вот что:

– Вы все мне очень нравитесь. Но не могли бы вы продемонстрировать мне свое мастерство?

Голиас кивнул:

– Именно это мы и хотели предложить вашему величеству. Мортис и я желали бы попытаться изготовить Вино Богов.

Придворные громко зашушукались.

Бонифаций нахмурился:

– Послушайте, что я вам скажу. Мне бы не хотелось, чтобы вас постигла случайная неудача. Если опыта у вас недостаточно, то вы можете натворить немало бед даже не по своей вине...

Придворные снова громко зароптали.

– Ваш ропот отвлекает меня, – строго упрекнул их король. – Никто не просил никого не упоминать о Вине Богов, насколько мне известно. И если вы, мои придворные, старались молчать об этом, то делали это напрасно. К примеру, я в детстве свалился с каштана, но никому и в голову не пришло не говорить при мне о каштанах. Аматус переживет упоминание о Вине Богов. Честно говоря, я сильно сомневаюсь, что он помнит о том, что у него когда-то была левая половина.

– Правая ручка есть, – возразил Аматус и поднял руку, – а левой нет.

Как на это заявление среагировать, не понял никто. Король взглянул на Психею. Губы девушки едва заметно дрогнули, но улыбкой это назвал бы только тот, кто захотел бы увидеть улыбку. А король улыбнулся открыто и искренне.

– Как бы хорошо ни знал ребенка, он всегда тебя чем-нибудь да удивит.

Король просиял.

– Но вы уверены, – вмешался Седрик, – в том, что желаете заняться именно таким сложным делом, как изготовление Вина Богов? Думаю, нам всем хотелось бы, чтобы показ вашего мастерства прошел успешно.

Мортис ответила ему:

– Мы не просто хорошие мастера своего дела, мы владеем своим мастерством в совершенстве. И мы желаем доказать вам это. Нам бы не хотелось, чтобы в будущем вам пришлось пожалеть о том, что вы взяли нас на службу при дворе. К примеру, мне удастся сохранять такую хорошую форму, хотя мне много сотен лет. Я безупречная колдунья. А Голиас молод и неопытен, но я точно знаю, он не допустит ни единой ошибки. У вас в Королевстве, насколько мне известно, есть поговорка:

«Кому знать цену алхимику, как не колдунье?»

– Что до меня, – сказал Кособокий, – то вы только укажите на самое большое и самое страшное чудовище в Королевстве, и я вам обещаю доставить его голову или несколько голов завтра на рассвете. Я справлюсь с ним ночью, когда эти твари злее всего. Пошлите со мной любого воина, пусть будет свидетелем.

– В топах у Горькой реки водится весьма зловредная гидра, – сказал Седрик. – Покрупнее чудище у нас сейчас вряд ли сыщется. Гвардеец Родерик родом из этих краев и, думаю, проводит тебя туда. С техникой, я полагаю, ты знаком?

Кособокий кивнул:

– Головы отрубить, шеи прижечь. Точно. С василиском – тут надо хорошо отполированное зеркало. С драконом – крепкий щит. Дубовый, обитый медью... С вампиром – тут не обойдешься без осинового кола, а уж гидру без хорошего факела не взять. Всеми этому обучают в первую же неделю в Академии Героев. Только сам я не герой, это я у походных костров наслушался, когда они про свои подвиги болтали.

Бонифацию и эти слова очень приглянулись по душе. Если Кособокий не был героем, но кое-что знал такое, что полагается знать героям, то не исключалось, что в сказке (если все это происходит в сказке) появится другой герой – например, Амагус.

– Решено, – объявил король. – Принеси мне головы гидры, сколько их там получится, а гвардеец Родерик подтвердит твою победу. Ну а теперь...

– Ваше величество, – проговорила Психея.

– Что? Ах да. Надо и тебе назначить какое-нибудь испытание. Правда, я не сомневаюсь – мальчику ты нравишься...

– Расскажи мне сказку, – потребовал Амагус. – И приготовь бомбазиновый пудинг. И поиграй со мной.

– Пожалуйста, – строго уточнила Психея.

– Пожалуйста, – повторил за ней Амагус. Бонифаций лучисто улыбнулся девушке. На его взгляд, у нее и безо всяких испытаний все неплохо получалось. – Что ж, – сказал он, – испытание достойное, весьма достойное.

Затем, поскольку все соискатели выслушали назначенные им испытания, снова взревели фанфары, и гости удалились в сопровождении почетного караула. Амагус радовался несказанно. Голиас и Мортис поднялись по высокой лестнице в лабораторию придворного алхимика, Кособокий и Родерик оседлали коней во дворе перед часовней, а Психея, держа за руку весело лепечущего Амагуса, отправилась с ним в его покои, дабы подготовить мальчика к ужину, за которым должны были последовать какие-нибудь спокойные игры и сон.

Бонифаций, оставшись без малыша, приятно поужинал с Седриком и еще кое-какими своими советниками, управился со множеством государственных дел (в тот вечер он их переделал гораздо больше, чем за год и один день) и с легким сердцем лег почивать. «Я тут ни при чем, – подумал он перед тем, как заснуть, – но все идет превосходно, вот только Амагус все в том же состоянии... но хотя бы ему не хуже, и то хорошо».

Глава 3

ИСПЫТАНИЯ ВЫДЕРЖАНЫ, ВСТРЕЧИ НАЗНАЧЕНЫ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВЫСЛУШАНЫ. ПРОШЛО НЕСКОЛЬКО ЛЕТ

Когда король открыл глаза, его покои были залиты солнечным светом. Вошла Психея и принесла ему чудесный завтрак: яйца, сваренные именно до такой степени мягкости, до какой следовало, свежайший, только что испеченный хлеб, вафли, густо посыпанные сахарной пудрой, и охлажденное шоколадное молоко с густой пеной. Психея выглядела чистенькой и свежей и согласилась составить королю компанию за завтраком – съела несколько кусочков хлеба с клубничным вареньем. Но большей частью она болтала – рассказывала королю обо всем умном и забавном, что сказал или сделал Аматус прошлым вечером.

Бонифаций обнаружил, что они с Психеей солидарны во мнении по поводу того, что Аматус – один из самых замечательных и умных трехлетних детей в мире и что утрата принцем левой половины тела, как это ни было печально, никак не сказалась на его выдающихся способностях. Оказалось, что Психея совершенно независимо обнаружила у принца многие из тех качеств, которые уже были известны королю.

Королю нравилось беседовать с девушкой. Он сам не понимал, как это получилось, но почему-то сразу догадался, что ему либо придется принять на службу всех четверых кандидатов на важные посты, либо всем четверым отказать. Поэтому теперь еще сильнее, чем прежде, королю хотелось, чтобы трое остальных кандидатов преуспели в назначенных им испытаниях.

Король уже заканчивал завтракать и подумывал о том, что надо бы переодеться из пижамы во что-нибудь другое, когда в его покои вошли Мортис и Голиас. Алхимик держал в руках серебряное блюдо, накрытое зеркальным колпаком. Он низко поклонился королю и поднес ему блюдо. Мортис сняла колпак, и оказалось, что на блюде – небольшая бутылка, а в ней, без сомнения, Вино Богов.

Король взял бутылку и взвесил ее в руке. В ней было не меньше полного стакана напитка.

– Процесс изготовления прошел без особых сложностей, – сообщил Голиас.

Король Бонифаций улыбнулся:

– Я разолью Вино Богов в пять наперстков, и как только ваш товарищ вернется с победой, мы все выпьем за ваш успех и за мой удачный выбор.

Тут в двери кто-то громко постучал. Король крикнул:

– Войдите!

И вошел Кособокий с мешком, из которого выглядывала дюжина старательно вымытых голов гидры. Каждая из них вполне подошла бы крупному псу, не будь головы сине-зелеными и похожими на головы ящериц, да еще с глазищами на коротких стебельках, и не торчи из каждой пасти по единственному зловещего вида клыку.

– Восхитительно, – отметил король. – Давайте выпьем за вашу удачу и за то, что я успешно решил ряд административных задач. Безусловно, тут не обошлось без чистого везения, но быть везучим королем – это очень даже недурно.

И они выпили Вина Богов, и все было решено. Наверное, теперь следовало бы кратко поведать о том, что произошло за те годы, пока Аматус рос-рос и наконец вырос и смог ступить на тернистый путь приключений, – следовало бы, для того чтобы поскорее перескочить к приключениям как таковым. Но... в тот день, когда король утвердил всех четверых новичков на должности при дворе, произошло еще два немаловажных события. Когда Седрик состарился, он распорядился, чтобы эти два события были всенепременно отмечены в «Хрониках Коро-

левства», ибо, оглядываясь назад, он решил, что события эти действительно имели большое значение. Ну а мы с ним спорить не вправе.

Первое событие заключалось в том, что король назначил Кособокого начальником стражи, а Седрика – верховным главнокомандующим.

Со вторым событием дело обстояло несколько сложнее. Дело было так. Король с Седриком занимались важнейшей работой. Они просматривали карту Королевства и решали, как наименовать новое поселение на северо-востоке страны: Бонифациебург, Бонифацвилль или просто Бонифаций, и в это время в дверь кто-то робко, тихо постучал. Если можно сказать о стуке в дверь, что он был «извиняющимся», то это был как раз такой стук.

От короля Бонифация не укрылся извиняющийся характер стука, и он приподнял бровь и посмотрел на своего главного советника, как бы спрашивая его тем самым, стоит ли сказать: «Войдите!» Седрик, видимо, также дал стуку сходную характеристику, поскольку мгновенно выпрямился и расправил плечи – наверное, решил, что ему понадобится высокомерный вид.

В покои короля бочком вошли трое людей, которых в обычное время вряд ли можно было увидеть вместе.

Первая из них, Вирна, была старая-престарая. Еще во времена правления отца Бонифация ее обвинили в убийстве мужа, пресловутого Вепря Великих Северных Лесов, – иначе говоря, отвратительного, дурно воспитанного провинциального лорда, замок которого стоял возле Великих Северных Лесов. На самом деле никаким вепрем он не был, но уж разбойником и людоедом – это точно. И поскольку совершенное дамой преступление скорее было благим для государства деянием, повесить ее не решились. Вместо этого прежний король приговорил ее к пожизненному подметанию дворца, за что она имела еду, крышу над головой и немного денег на карманные расходы. А с Вирны было взято торжественное обещание впредь не убивать никого, кто этого не заслуживал бы в той же степени, сколь ее печально известный супруг. После жизни с Вепрем все остальные казались Вирне людьми приятными во всех отношениях, поэтому она вскорости стала веселой и милой старушкой и исполняла, если можно так выразиться, роль почетной бабушки для многих молодых служанок во дворце.

Однако теперь она не улыбалась своей обычной теплой улыбкой. Она стояла перед королем и премьер-министром, в отчаянии заламывая руки.

Рядом с ней стояла Гвин, девушка, прибиравшая детскую, – милая, но не красавица. Внешность ее говорила о том, что ей на роду было написано стать нянькой, сиделкой или гувернанткой. На самом деле она сразу согласилась прибирать в детской, и после того, как в течение года подтирала и драила там пол не только за Аматусом, но и за всеми отпрысками гостей во дворце лордов и королей, она не на шутку невзлюбила всех детей вообще и втайне уповала на то, что когда-нибудь ее полюбит какой-нибудь солдат с семейными наклонностями, который не потребует, чтобы она ему нарожала детей этак двадцать. Выражение лица у Гвин почти всегда было кислое, а улыбалась она крайне редко, поскольку кто-то ей сказал, что из-за этого она выглядит как добрая мамочка.

Теперь она стояла нервная, смущенная, растерянно кусала нижнюю губу, уставясь в пол, и казалось, что она впала в детство.

Последним из троих визитеров оказался гвардеец Родерик, и это было самым странным. Солдат, которого Седрик отправил засвидетельствовать победу Кособокого над гидрой, был их тех, кому верховный главнокомандующий доверял почти беззаветно. И вот теперь он выглядел нетипично озабоченным и, пожалуй, даже взволнованным. Плечистый верзила Родерик был гораздо умнее, чем казался на вид. Просто из-за флегматичного темперамента у Родерика развилась привычка время от времени таращиться в одну точку, раззявив рот, вот многие и считали его непроходимым тупицей. Впоследствии он оставил военную службу и стал знаменитым драматургом, творцом длинных кровавых эпических полотен, и оказалось, что прежде, пляясь в одну точку, он на самом деле уже сочинял в уме целые сцены и акты.

В то время Седрик, конечно, не ведал о том, какая блестящая литературная карьера впереди у простого солдата, но он знал, что Родерик гораздо смекалистей, чем кажется, и к тому же только притворяется неустрашимым, дабы не огорчать главнокомандующего. Словом, зрелище распсиховавшегося Родерика, нервно шарящего взглядом по сторонам, показалось Седрику дурным предзнаменованием.

Король и премьер-министр сразу заподозрили неладное, так как всех троих давно и хорошо знали и сразу увидели, что те пребывают в расположении духа, для себя крайне нехарактерном.

– Что ж, – негромко проговорил Седрик, – похоже, случилось что-то необычное и важное.

– Проходите, садитесь и расскажите нам, в чем дело, – распорядился Бонифаций добросердечно. – Что бы ни встревожило моих преданных слуг, безразлично и мне.

Рассевшись по табуретам, троица ничуть не успокоилась. Затравленно оглядевшись по сторонам, Вирна заговорила первой:

– Ваше величество, вы знаете, наверное... что сегодня у прислуги был пикник? Вот там-то мы и разговорились друг с другом. В промежутке между бегом в мешках и переноской яиц, если точнее. Кое-что... я хочу сказать, всем нам троим кое-что не нравится в этих четверых новичках, которых вы только что наняли на службу, но сами по себе мы бы не пришли, но вот разговорились, и вышло, что если все это соединить... три наших рассказа, то получается...

– Вы заметили что-то неладное? – прервал ее Седрик. – Что-то такое, что вам не нравится?

Вирна покачала головой, тряхнула седой гривой волос.

– Нет, милорд. Про что-то такое определенное пока нельзя сказать. Но все равно...

– Хорошо, – мягко проговорил король. – Быть может, будет лучше, если бы вы просто рассказали нам обо всем, что слышали и видели. Начнем с тебя, Гвин.

Гвин коротко, решительно кивнула и вздернула подбородок, словно солдат, вставший по стойке «смирно». Именно в это мгновение Родерик впервые в жизни обратил на нее пристальное внимание, и от нее это не укрылось. А потому она приступила к изложению событий бодро и приподнято.

– Слушаюсь, государь, – сказала Гвин. – Вышло так, что вчера вечером я была в том крыле дворца, где детская, – выметала черепки и всякое такое и вдруг услышала, как новая нянька поет принцу колыбельную. Голосок у нее, прямо скажем, ничего.

– Неплохой голос, – согласился король.

– Да и мелодия красивая была, – продолжала Гвин, приободрившись. – Слов всех не упомяну – не то сказка, не то повесть про мужчину-возницу и уличную танцовщицу, что его полюбила. Вроде бы так. Но припев я запомнила отлично:

*Раз – это солнца луч золотой,
Два – роса утренняя,
Три – то герой, что силен и могуч,
А четыре – любовь твоя.*

– У тебя тоже приятный голосок, – отметил Седрик. – А песенка просто замечательная.

– Да, господин, спасибо, господин, только теперь я про самое неприятное скажу. Я, чтоб получше услышать, поближе к двери подошла, потому что сама люблю послушать хорошую песню, ну и заглянула в щелочку. Принц уже крепко спал, но нянька все еще пела – решила, видно, что негоже хорошую песню до конца не допеть, или, может, подумала, что принц еще проснуться может.

Она наклонилась над его кроватью и водила руками... вот так, государь. Все водила и водила, как будто...

– Как будто плела заклинание? – подсказал девушке Седрик несколько встревоженно.

– Не хотелось бы мне так думать, господин, – сказала Гвин. – Только бабка у меня колдунья – не хочу, конечно, про нее ничего дурного сказать – но только Психея руками такое выделявала... словом, я узнала Восьмое Великое Заклинание – Октан.

– Это охранное заклинание, – возразил король. – А судя по мелодии и словам, мне кажется, что речь шла о пожелании счастливой судьбы.

– Но вы посудите, государь, – заспорила Гвин, – если она умеет произносить Октан, стало быть, она опытная колдунья. И могущественная. Может, она старуха, а только выглядит молодой? А с какой бы стати могущественной колдунье наниматься нянькой – только поймите меня правильно, государь, – и вытирать принцу нос да колыбельные распевать?

– Может быть, – тепло улынувшись, предположил король, – она любит детей, и уж ты мне поверь, если кто-то любит детей, то ему Амагус покажется чудесным ребенком.

Гвин знала, что спорить с королем об этом не стоит. Кроме того, она теперь с этой должностью рассталась, и ей хотелось бы, чтобы все думали, что она сделала это не потому, что терпеть не может детей.

– Может, оно и так, государь, да только произносить заклинания над спящим принцем...

– Вот именно, – кивнул Бонифаций. – Ты была совершенно права, что решила мне все рассказать. Я рад, что ты так поступила. Это говорит о твоей преданности мне.

Королю хотелось, чтобы служанка покинула его покои в хорошем настроении – ведь он понимал, что ей потребовалось недюжинное мужество, чтобы явиться сюда. И потом – разве скажешь, когда тебе вдруг понадобится чья-то верность и преданность, пусть даже этот кто-то – твой самый неуклюжий слуга. Тем не менее король не сомневался, что принял на службу добрую и могущественную волшебницу.

Следующей взяла слово Вирна:

– Если мне будет позволено рассудить, ваше величество, то то, о чем я собираюсь вам поведать, ненамного страшнее. Просто я уже столько лет прибираю в лаборатории придворного алхимика, что почти все слова, что произносятся при изготовлении Вина Богов, наизусть выучила. А на старую служанку разве кто внимание обращает? Говорят и говорят слова свои, будто меня и нет вовсе. Словом, когда я услышала, что они перед каждым этапом по заклинанию добавляют, я...

– Что же они добавляли? – совсем немного встревожившись, спросил король. – Заверяю тебя, Вино они изготовили преотличное.

– Ну... они ведь... главное, как они это говорили. Как они произносили это добавочное заклинание, вот в чем дело. Этот новый придворный алхимик – Голиас, он вроде как со смехом его произносил, как будто шутки шутил. Ну а новая колдунья придворная, Мортис, она вроде бы как обижалась на него за это и после него снова это заклинание повторяла. А уж у нее голос был прямо ледяной, сухой, как ветка, что от дерева в январе отламывается. А говорили они оба вот что:

*В день, далекий от начала
И решающего часа,
Между вечностью и бездной
На подмогу призываем
Мы того, кого любовью
И коварным волшебством
Поместили в промежутке
Между светлым и смешным.*

И мне это, государь, показалось... скажем так, необычным.

– Это загадочное заклинание, – заключил Седрик. – Им что-то требовалось, чего у них не было под рукой, и они вызывали это из мира духов заклинанием, облеченным в форму загадки. Духи, знаете ли, обожают всяческие загадки. Но именно поэтому Вина Богов ничто дурное не коснулось. Этим заклинанием они не само Вино производили, а какой-то его ингредиент, или просто этот стих – оберег для Вина. Если мы поймем, в чем дело, то легко рассудим, желательно для нас или нежелательно, чтобы они занимались этим впредь. Нужно только подумать хорошенько...

Задумался Седрик довольно-таки надолго, а затем рассмеялся и всплеснул руками.

– Принесите Королевский Словарь! – приказал он, и Гвин бросилась в библиотеку.

Когда она принесла внушительный фолиант, Седрик тут же открыл его на букве "С" и вскоре весело рассмеялся:

– Вот-вот, так я и думал, нужно было только представить себя на их месте, и все! И ничего ужасного нет. – Он прижал палец к странице и продемонстрировал ее всем остальным. Между словами «светлый» и «смешной» стояло слово «счастье».

Все четверо хором облегченно вздохнули, но тут наконец свое слово решил сказать Родерик:

– Ну... хотелось бы мне, чтобы мои опасения были напрасными, государь. Но дело так было... Этот Кособокий, он с гидрой ловко управился, спору нет, только... когда у нее только одна башка осталась, он... ну... по правде говоря, государь, мне гидру ни капельки не жалко, она ведь сколько народу прикончила, и моих родичей двоих в том числе – сестру мою двоюродную Мэйзи Энн, что замуж вышла за брата моего двоюродного по другой линии, Ричардом его звали... Ричарда тоже гидра эта сожрала...

Король кивнул, но не то чтобы нетерпеливо – он понимал, что рассказ о важном событии всегда чреват упоминанием второстепенных персонажей.

– Ну и вот, государь... – продолжал Родерик, – только мне эту тварь все равно как бы жалко стало после того, что он с ней сделал. Оставил он, стало быть, одну башку и давай над ней... издеваться. Ради потехи, не иначе. Тут кольнет, там рубанет, там жилу вытянет... У гидры, бедняжки, уж слезы потекли, она выть начала – прямо как собака. Ее бы прикончить, избавить от мучений, но он все не унимался. Ну а потом, видно, наигрался все-таки и отрубил эту башку. Он боец славный, государь, но человек жестокий. Я раньше никогда не видал, чтобы с чудищем кто так ловко разделался, только и чудищ никогда раньше так не жалел.

Родерик понимал, что говорит не так гладко и красиво, как принято при дворе, и его это удручало – а особенно потому, что он боялся произвести не самое выгодное впечатление на Гвин.

Король вздохнул.

– Не страшнее, чем мы предполагали. Ваше величество, – заключил Седрик, изо всех сил стараясь скрыть восторг – ведь именно такой работы он и ждал от Кособокого. – Предзнаменования сохраняются, это вам известно, и многие из них были столь благоприятны...

– Это верно, – согласился Бонифаций, – но приглядеть за новичками не помешает. Вы все были совершенно правы. Что-то в этом есть. Полагаю, Седрик...

– Совершенно согласен с вами, ваше величество, но я не сомневаюсь – это только самое начало сказки. Если это будет сказка. Полагаю, нам следует поблагодарить вас, и мы надеемся, что вы и впредь будете столь же бдительны и станете сообщать нам, если случится еще что-либо, заслуживающее нашего внимания.

Все трое дружно кивнули и с облегчением удалились. Седрик прикрыл за ними дверь и сказал:

– Ну, что ж... мы имеем один дурной знак против двух добрых. Спорить не приходится, сказка началась, и несомненно, вскоре мы узнаем, кто ее герой.

Вирна вернулась в свою темницу и потом много лет старательно прислушивалась к разговорам в лаборатории, но кроме заклинания, подслушанного в первый день, так ничего интересного больше не услышала. А заклинание это Вирна стала частенько произносить сама, и многие заметили, что ей стало в жизни больше везти. Родерик и Гвин обнаружили, что терпеть не могут детей, и сошлись на этом. Если даже все трое замечали что-то необычное в поведении четверых компаньонов, Седрику они об этом не докладывали – по крайней мере именно так он написал в «Хрониках», а если они что-то рассказывали королю, значит, король ничего об этом не сказал Седрику.

Ну а время шло, как и положено ему идти в сказках, и Амагус – вернее, его правая половинка росла и крепла. Хорошо, что Психея отличалась поистине неистощимой энергией, потому что юный принц целыми днями носился всюду как угорелый – казалось, он думал, что ему отпущено всего десять дней жизни, и он стремился успеть сделать за это время все, что только мог. Только что сидел на дереве, а смотришь – уже дерется на деревянных мечях с Кособоком и отбивается с яростью, несвойственной столь нежному возрасту. Время шло, и к ярости прибавились ловкость и умение.

Но стоило привыкнуть к мысли о том, что юный принц занят обучением боевым искусствам, как уже слышался топот его правой ноги по черепичной крыше замка и крики Психеи, высунувшейся из окна и бросающейся следом за мальчиком. Как-то раз, когда Амагусу было двенадцать лет, он нарочно взобрался на самый крутой скат крыши, чтобы Психея не смогла в своей длинной юбке догнать его. Бонифаций наблюдал за сыном из окна своих покоев и добродушно усмехался до тех пор, пока на полпути до конька крыши Амагус вдруг не начал скользить вниз и того гляди мог свалиться на мощный булыжником внутренний двор.

В это мгновение Кособокий – помилуйте, разве он только что не стоял рядом с королем у окна? – уже взбирался вверх по крыше. Он мигом оказался рядом с Амагусом, ухватил мальчика за край камзола, затем – за ворот рубахи и подтянул к себе.

Вечером, за ужином, Амагус был как-то нетипично тих. Седрик поинтересовался, «не утихомирил ли его немного» пережитый страх.

– Да я вовсе не боялся, что упаду, – возразил принц, – Может, мне и следовало испугаться... но Кособокий мне сказал, что если я еще хоть раз заставлю всех так волноваться, то он попросит папу, чтобы он разрешил ему наказать меня.

– А что это у тебя на шее?

– Это мне Кособокий дал, – ответил мальчик и показал Седрику маленький серебряный свисток. – Он сказал, что раз уж я такой непоседа, то он просит меня дуть в этот свисток всякий раз, как я соберусь вытворить очередную глупость. Правда, он сказал, что думает, что слышать звук свистка скорее будет уже тогда, когда я эту глупость вытворю.

Хотя Психея и Кособокий были любимыми спутниками принца в детстве и юности, Амагус довольно много времени проводил в лаборатории и библиотеке – приставал к Голиасу и Мортис и большей частью мешал им. Пожалуй, принц был единственным в королевском замке, кто никогда не боялся Мортис, невзирая на ее пугающую внешность. Колдунья, казалось, почти совсем не интересовалась мальчиком, но все, в чем он нуждался – защитные заклинания, заклинания для успешной учебы и понимания наук, – всегда было к его услугам. Даже могущественное Тригонометрическое Заклинание, придуманное самим Тригонометрасом, помогало ему, а ведь поговаривали, будто если сумеешь пережить обучение тригонометрии, то дальше учиться будет совсем легко.

Но с другой стороны, если мальчик просто чего-то хотел, но не слишком нуждался в этом, с заклинаниями происходило что-то странное. Однажды Мортис произнесла заклинание, рассчитанное на то, чтобы Амагус знал все завтрашние уроки, не уча их, но с утра принц поднялся измученный – словно всю ночь просидел над книгами. Потом он целую неделю пребывал под действием заклинания, даровавшего ему неуязвимость, но вдруг обнаружил, что не чувствует

вкуса еды, не ощущает прикосновения руки Психеи, погладившей его по щеке, а держа рукоятку деревянного меча, словно бы сжимает в руке воздух и не понимает, каков будет следующий удар Кособокого. И, что еще хуже того, он утратил ту радость, которую испытывал, слушая песни Голиаса, а уж это было совершенно невыносимо, и принц отправился к Мортис и стал умолять ее отменить заклинание. Но оказалось, что для этого ему придется подметать пол в покоях колдуньи целую неделю, убирать помет за ее рафтерами, драить стены, сквозь камни которых проросли корни плюща, и только тогда Мортис согласилась отменить заклинание.

Бонифаций наблюдал за происходящим и видел, что Аматус – по крайней мере его половина – процветает, благодаря неусыпным заботам Спутников, и поскольку Бонифаций был мудрым королем (ведь жизнерадостным он стал после того, как целых десять лет пробыл грозным), он никогда не вмешивался в процесс воспитания сына и не пытался как-то смягчить оный процесс. Ни тогда, когда Кособокий презентовал Аматусу в честь тринадцатилетия тяжеленный ремень со здоровенной пряжкой и взял его в Железное Ущелье охотиться на газебо, ни тогда, когда Психея, заметив, как Аматус измывается над детенышем гидры, строго-настрого запретила мальчику этим заниматься и заставила его оставить детеныша у себя в качестве домашнего питомца и заботиться о нем. А забот хватало, потому что у детеныша выросло еще тридцать голов, и каждая требовала отдельной миски для кормления. Но когда гидра в конце лета подохла (в конце лета все гидрыдохнут, так уж им на роду написано), Аматус горько плакал и только через неделю после этого печального события согласился выбросить миски.

Король не вмешивался и тогда, когда Мортис назначала довольно высокую цену за отмену легкомысленно запрошенных принцем заклинаний.

И тогда, когда Голиас научил Аматуса трем сотням куплетов из баллады «Дочь мошенника».

Глава 4

НАЧАЛО ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Голиас был превосходным алхимиком и изучил с десяток различных наук. Своими познаниями он всегда был готов поделиться с Аматусом, но хотя учиться принц любил, к алхимии он как-то не привязался. К счастью, как большинство хороших алхимиков, Голиас знал понемногу обо всем, ибо один из основных принципов алхимии состоит в том, что все на свете непременно похоже на что-нибудь другое и что в этом подобии и состоит главный смысл. Потому Голиас знал не только о том, что ткань печени человека подобна плазмидам рогов газебо, но и то, что строфа, состоящая из трех строк, скорее принадлежит сонету, нежели куплету песни, и что три струны соответствуют скорее лире, нежели басовому барабану.

И когда выяснилось, что интересы Аматуса – да и таланты, пожалуй, тоже – лежат в области музыки и поэзии, именно в этой области Голиас оказался для него просто незаменим. Юный принц зачитывался древними преданиями об империях и богах, заглядывал в книги со странными повествованиями об аэропланах и церквях, читал современные реалистические истории о битвах с драконами и спасении принцесс. Он заучивал наизусть целые тома стихов, включая и «Бонифацаду», которую Голиас в то время сочинял. Он знал песни о весне и вине, о вине и женщинах, о женщинах и весне.

Большую часть этих произведений искусства он почерпнул не в лаборатории, а во дворах замка, и даже на городской площади. Ведь официально Голиас учителем Аматуса не числился, просто он был прирожденным педагогом, способным научить тому, что знал сам, любого, кто готов был его слушать. Поэтому если рядом с ним и принцем собиралась толпа зевак, уроки носили уже скорее публичный, нежели частный характер. Поговаривали, будто уроки Голиаса были столь увлекательны, что после того, как он уходил с площади, самые отчаянные прогульщики пытались вернуться в школу.

Однако подо всякую практику должна быть подложена теория, а теоретически принц мог обзавестись кое-какими безобидными пороками и попасть под влияние каких-нибудь не слишком порочных личностей. Аматус рамки этой теории расширил и сам превратился в не слишком порочную личность, под чье влияние время от времени кто-нибудь подпадал. Но если честно, то с пути истинного он не увел никого, кроме пары-тройки кухарок (да и тех, как выяснилось впоследствии, тщательно отбирал Седрик с точки зрения безграничного терпения и врожденного бесплодия), нескольких лоботрясов – младших сынков лордов, которых, по большому счету, и следовало увести с пути истинного, а не то они бы определились на военную службу и стали бы головной болью для своих командиров, а также безмозглых отпрысков богатых простолюдинов, которые в противном случае всю жизнь мечтали бы о том, как бы жениться на богачке. И все-таки кухарки постарше (те, что действительно на кухне занимались своими прямыми делами), лорды с консервативными мозгами и купцы вроде бы советовали друзьям и подружкам принца держаться от него подальше.

И вот как-то раз, вечером, неподалеку от берега глубокой и быстрой Длинной реки – той самой, по которой в столицу Королевства прибывали корабли отовсюду, в том самом районе, где предпочитали селиться эмигранты из Нектарии и Вульгарии, в небольшом кабачке под названием «Серый хорек», на углу улиц Венд и Байвей собралась компания. Аматус, пристрастившийся к изысканным винам и блюдам, подававшимся в заведениях нектарианского квартала, выпивал в обществе Голиаса. Вино было превосходное – густой, терпкий фруктовый гравамен, да и песни тоже недурны, хоть и давно знакомы. Аматусу хотелось верить, что его, одетого в длиннополый плащ с капюшоном, никто не узнает, а Голиас незаметно одаривал посетителей кабачка денежками из специально выделенной суммы, дабы те делали вид, что не замечают молодого человека, у которого не хватает левой половины.

Голиас играл на девятиструнной лютне – не сказать, чтобы так уж виртуозно, Аматус его в этом искусстве уже превзошел, – но зато громко, весело и с душой, поскольку и компания у них подобралась громкая, веселая и душевная. Помимо раскрасневшегося громкоголового Голиаса за столиком сидел сэр Джон Слитгиз-зард, третий сын герцога Болот Железного Озера, – повеса, каких поискать, но при этом и воин изрядный, превосходно владевший палицей и мечом. Говорили, будто бы он прикончил с дюжину соперников на дуэлях и в свое время состоял в шайке дьякона Дика Громилы и пару раз собственноручно ограбил богатых путешественников.

Рядом с ним сидела Пелл Грант, девица не самых пуританских нравов. Вроде бы именно она, как поговаривали, позировала для картинки в Королевском Словаре к слову «полногрудая», когда была помоложе, а еще болтали, что она обучила юного принца кое-каким секретам искусства любви. А рядом с ней восседал герцог Вассант, мужчина тучного телосложения с добродушной улыбкой, известный, однако, недюжинным умом и яростью в бою. Тысячи соперников он сокрушил в спорах, а несколько – в буквальном смысле.

Напротив него, в мужском платье и вооруженная до зубов (и даже выше, если считать крошечную шпажку, спрятанную в прядях густых волос, убранных под шляпу), сидела Каллиопа, младшая дочь одного из южных графов. С ней у Вассанта был короткий, но жаркий роман в ту пору, когда она была еще так юна, что все в итоге закончилось скандалом. Каллиопа и теперь была довольно молода и могла бы выйти замуж, если бы кто-то из молодых людей отважился попросить ее руки. Слухи о ней ходили самые неблагоприятные, однако Голиас, пристально следивший за формированием окружения принца и отбиривший для этой цели людей пусть не блиставших добропорядочными манерами, зато добрых душой, против Каллиопы ничего не имел.

Люди же, слухам не подверженные и честные, давным-давно убедились в том, что Каллиопа благородна и добра и потому часто встает на защиту незащитных и что многие из ее анонимных стихов (большой частью эротичные) хранят такую нежность и красоту, что способны растопить сердце. Между тем эти же самые люди, ради вящей справедливости, всенепременно упомянули бы о том, как жестока бывала эта леди с другими дамами, как безжалостно расправлялась с лучшими из молодых вельмож, отважившихся поухаживать за нею ввиду ее бесспорной красоты, а также со своими любовниками из купеческой среды (большой частью женатыми). Поговаривали, будто многие из них из-за нее покончили с собой.

Все верили и, не стесняясь, болтали об этом – что Каллиопа и Аматус любовники.

Из присутствующих в тот вечер в кабачке только Аматус и Голиас знали, что на самом деле Каллиопа вовсе не дочь какого-то южного графа, а единственная наследница престола соседствующей с Королевством монархии Загорье, которую спасла в младенческом возрасте ее верная нянька, когда все остальное семейство было вырезано узурпатором Вальдо.

А еще только она сама, Вассант и Аматус (ну, может быть, и еще кто-нибудь проницательный) знали, что, несмотря на бурный нрав и несдержанный язык, девушка она на самом деле довольно-таки стеснительная. Аматус многое прощал ей, поскольку был без ума от ее золотистых волос и стихов. Как-то раз он попытался, что называется, «навести к ней мосты», на что Каллиопа заметила, что он – неотесанный мужлан и надо бы ему поучиться хорошим манерам. А поскольку принцу до Каллиопы никто ничего подобного не говорил, он этой новостью был просто сражен наповал.

Голиас усердно дергал струны лютни и распевал жутко древнюю песню под названием «Пенна Пайк». Где она стояла, эта гора Пенна Пайк, толком никто не знал, хотя многие вроде бы хаживали к ней крутыми и извилистыми дорожками в поисках приключений. Песня называлась «Пенна Пайк», потому что припев ее звучал вот так:

Пенна Пайк, Пенна Пайк, Пенна Пайк-Пайк-Пайк,

*Пенна Пайк, Пенна Пайк, Пенна-Пенна Пайк,
Пенна Пайк, Пенна Пайк, Пенна Пайк-Пайк-Пайк,
Пенна Пайк! Пенна Пайк-Пайк-Пайк!*

Баллада повествовала о смертной женщине, похищенной гоблинами, которую они увели по темным коридорам под землю, а затем ее возлюбленный явился, чтобы спасти ее и увести назад, но не спас и не увел, а вернулся один. Почему-то этот малый решил, что для таких испытаний ему недостает широты душевной, и из-за осознания собственной никчемности он склонился к карьере разбойника с большой дороги, дабы в конце концов помереть на виселице. Однако впоследствии выяснилось, что и в разбойном ремесле он не особо отличился и в итоге его не то сожгли на костре по ошибке вместо какой-то ведьмы, не то он так и прожил до конца дней своих жизнью неудачливого грабителя. Заканчивалась песня как-то туманно и неопределенно.

Как только Голиас допел балладу, Каллиопа, настаивавшая на том, чтобы нынче ее все звали «Каль», так как она нарядилась юношей, положила на стол ногу в грязном сапоге, вытащила кинжал и сняла с сапога часть грязи, после чего изрекла:

– А жаль, что бедной девушке суждено было остаться у гоблинов. Ведь она туда попала не по своей воле.

– Таков закон магии, – сказала Пелл, оглаживая корсет. Чтобы напомнить всем присутствующим о том, на какую женщину им следовало бы обратить внимание в первую очередь.

Слитгиз-зард хмыкнул и ухмыльнулся:

– Законы существуют для того, чтобы их нарушать.

– Магические законы – совсем другое дело, – возразил Вассант, дав хозяину знак принести еще одну порцию симиле и протонов – дивного гектарианского блюда. – Нарушать их умеют только поэты да барды, да и то – в подходящий момент. Девушка и ее возлюбленный не могли нарушить этих законов, потому что и он, и она находились внутри истории.

– Но мы-то снаружи, – отметила Каллиопа, даже забыв придать голосу мужскую хрипотцу.

– Не совсем, – уточнил Голиас. – «Пенна Пайк» – очень древняя песня. Местами она написана на языке, который давно вышел из употребления. Ну а раз она такая древняя, то резонно предположить, что история, рассказанная в ней, правдива. Правдива настолько, что даже ее вымышленные фрагменты за столько лет стали правдивыми. Ну а если так, то магические законы в этой истории необычайно сильны. Для того чтобы спуститься в подземное царство гоблинов, нужен отряд отчаянных смельчаков. Еще больше отваги потребуется для того, чтобы вывести спасенную девицу оттуда, где все опутано коварными заклинаниями, – нет-нет, то, что она столько лет томится в подземном царстве, вполне объяснимо.

– Ясно, – кивнула Каллиопа. – Ну и когда мы выступаем?

Голиас задрал голову и поскреб макушку.

– Ты насчет того, чтобы спуститься в подземелье? И спасти девицу? Да это когда угодно. Если уж предприятию суждено быть успешным, то все сразу пойдет как по маслу, а если нет, то, как ни готовься к выходу, как ни экипируйся, все равно ничего не получится. Традиционно в такие походы отправляются ночью, когда злобные твари наиболее сильны.

– Минуточку, – вмешался Вассант, которого такая перспектива, похоже, вовсе не порадовала. – От тебя я такого не ожидал, Голиас. Разве, согласно традиции, самый мудрый член отряда не обязан предварительно изложить мрачные предзнаменования?

– Вот именно, – кивнул сэр Джон Слитгиз-зард, по лицу которого было видно, что он изрядно разволновался. – Я вас, сэр, конечно, обидеть не хочу, но мне приходилось с кое-чем в таком роде иметь дело, и я точно знаю: когда заходят разговоры про темные коридоры и всяческих злобных тварей, обитающих в подземельях, непременно нужен кто-нибудь, хорошо

владеющий белой магией, и именно такой человек обязан предупредить нас о том, что нас ждут большие трудности.

Голиас глубоко вздохнул – так глубоко, что стоявшие перед ним свечи чуть не погасли, и тут у всех сидевших за столом по спинам побежали мурашки.

– Знайте же, раз уж вы все такие решительные, что нам суждены великие испытания. Целую вечность – так нам покажется – мы будем пробираться по темным пещерам, кишашим летучими мышами и могильными червями, по жутким зловонным лужам при свете факелов, которые мы захватим с собой, да гнилушек. Когда наконец мы доберемся до границы Царства Гоблинов – если доберемся, ибо они могут выследить нас и устроить засаду, – нас ждет встреча с жутким чудовищем, охраняющим вход в страну этих мерзких тварей. Чудовище загадает нам неразгадываемую загадку, но если мы ее разгадаем, затем мы будем должны нагло проследовать прямехонько к королю гоблинов и потребовать, чтобы он отдал нам девушку. Затем, невзирая на коварство (а когда имеешь дело с гоблинами, только и жди какого-нибудь коварства), нам нужно будет вывести девушку из подземелий, не сделав при этом ни единого неверного шага. И после всего этого нам достанется новый куплетик в одной более или менее популярной балладе. Ну а если нет, то когда-нибудь отыщется новый герой без страха и упрека, который все-таки добьется успеха. Словом, дело совершенно бессмысленное и необычайно опасное. Только разве вы сами об этом не догадывались?

Пелл Грант покрепче обняла сэра Джона Слитгиз-зарда, словно не хотела отпустить его, а он прижался к ней – то ли от страха, то ли просто потому, что ему это было приятно, кто скажет? При этом выражение лица у сэра Джона ни капельки не изменилось.

Аматус все это время молчал и смотрел в окно, на то, как капли дождя падают на размытую дорогу. Он чувствовал: что бы ни началось, нынче же вечером чему-то суждено кончиться. Почему-то вдруг ему показались немыслимо драгоценными такие простые вещи, как желтые и красноватые отблески пламени очага, над которым жарились протоны, шипение жирных свечей, тихий шелест дождя за окном, сопение большого пса, мирно спавшего под скамьей. Ему казалось, что так больше уже никогда не будет, и какая-то часть души принца отчаянно пыталась удержаться за последние аккорды лютни Голиаса. Что-то было такое в атмосфере кабачка, в этой смеси запахов мореного дуба, сырых сапог и дыма, пролитого гравамена и пара от котла, в котором готовили симиле – острейшую маргравиновую подливу, что-то такое, что принц не мог бы назвать словами и чему суждено было исчезнуть навсегда.

Аматус отпил еще гравамена, обнаружил, что храбрости у него из-за этого не прибавилось, и наконец изрек:

– Похоже, нам предстоит приключение. Предчувствия у меня нехорошие, признаюсь в этом откровенно, и поэтому я не хотел бы, чтобы со мной отправились те, кто не жаждет этого всем сердцем. Поэтому я предлагаю, если только мы можем тронуться в путь через час, договориться так: если кого-то из нас к концу этого часа здесь не окажется, стало быть, он в приключении участвовать не желает.

При этих словах одна темная кустистая бровь Голиаса взметнулась высоко-высоко. О чем думал Голиас – этого никто не знал, поскольку, как правило, он любой вопрос рассматривал исключительно всесторонне, однако алхимик улыбнулся – сдержанно, довольно и даже немного угрюмо:

– На редкость разумный план. Так давайте же в течение этого часа будем петь, есть и рассуждать... а затем тронемся в путь, если, конечно, будет кому трогаться.

Час пролетел незаметно, и надо отметить, что Голиас играл на лютне просто превосходно и спел множество замечательных старинных песен.

Первой ушла Пелл Грант. Она не слишком охотно выпустила сэра Джона из своих объятий, а он на прощанье сжал ее маленькую руку, а потом она выскользнула из двери и отправилась из «Серого хорька» в какое-то другое заведение.

Немного погодя встал и герцог Вассант, поклонился, печально улыбнулся и сказал:

– Господа, я чрезвычайно польщен предложением сопровождать вас, но я не люблю совершать необдуманные поступки. Я к вашим услугам, когда речь пойдет о спасении Королевства или когда будут задеты мои или ваши личные интересы. Однако в мероприятиях подобного сорта участвовать мне уже доводилось, и к тому же я уже начал ощущать первые признаки приближения старости – я полнею и обожаю всяческие удобства. Вероятно, утром я пожалею о том, что решил признаться вам в этом, а еще больше буду сожалеть, что не отправился с вами, когда вы вернетесь и приметесь взахлеб описывать ваши приключения. Но сейчас меня больше манит к себе теплая постель и уверенность в том, что утром я встану с нее и вкусно позавтракаю и вообще проведу день так, как пожелаю. Поэтому я ухожу, и если хотите, можете считать меня трусом, но я верю, что вы, будучи моими товарищами, поймете, что мною движет всего лишь нежелание подвергать себя ненужной опасности.

– Мы все понимаем, – сказал Аматус, встал и протянул герцогу руку. Его голос прозвучал глубоко и серьезно, а краешком глаза он успел заметить, что бровь Голиаса снова высоко подпрыгнула и вдобавок алхимик едва заметно одобрительно кивнул.

Судя по всему, что-то в ответе принца глубоко тронуло и самого герцога, поскольку он, вместо того чтобы пожать протянутую руку принца, склонился к ней и поцеловал пальцы Аматуса. Когда Вассант выпрямился, поза у него получилась торжественная, как на параде. Принц ответил герцогу поклоном.

В кабачке стало холоднее. Очаг печально алел догорающими угольями, а пролитый гравамен почему-то стал отдавать кислятиной после того, как герцог Вассант, набросив на плечи алый плащ и опустив поля широкой шляпы, исчез за дверью. Еще мгновение – и он уже быстро зашагал по Венду к площади Плотников.

– Время еще есть, – заметил Слитгиз-зард. – И мне бы хотелось, чтобы все вышло, как мы договорились, но я остаюсь.

– И я, – подхватила Каллиопа.

Принц Аматус опустился на скамью, старательно запахнув плащ, дабы никто не заметил отсутствия его половинки. Что же с ним произошло, когда он прощался с герцогом? В то мгновение все казалось правильным, неоспоримым, а теперь он чувствовал себя усталым мальчишкой.

– Досидим до конца часа, – сказал он негромко. – А пока мне хотелось бы послушать песню о любви и о весне, но не о ночи и пролитой крови, а главное, чтобы эта песня была не «Пенна Пайк».

Голиас склонился к лютне и запел «Дочь мошенника», но хотя пел он чудесно, и стихи были превосходные, и сюжет баллады великолепен, но словно бы все краски в «Сером хорьке» поблекли, и дождь за окном зашлепал громче и противнее, и стук капель, как они ни силились, не попадал в такт с музыкой.

И все же принц не просил Голиаса прервать песню. Он глядел по сторонам так, будто хотел поглотить все звуки, краски и запахи, пока еще не весь песок пересыпался из верхней колбы песочных часов в нижнюю. Он даже слышал свой собственный голос, умолявший продлить время, спеть еще одну песню, выпить еще по бокалу вина... Но принц молчал, не произносил этих слов. Он знал, что выговорил бы их срывающимся мальчишеским дискантом. Аматус боролся с собой, зная, что живущий внутри него мальчишка жаждет, чтобы его победил взрослый мужчина.

Но вот отзвучали последние ноты «Дочери мошенника», Каллиопа убрала ноги со стола, сэр Джон облизнул губы, собираясь что-то сказать, и в это мгновение, когда Аматусу еще сильнее, чем прежде, захотелось произнести: «Пусть еще хоть немного потанцуют эти тени на стенах, пусть прозвучит еще одна веселая мелодия, пусть будет опустошен еще один хмельной бокал...»

... В это самое мгновение в кабачок вошли трое. Невзирая на то что все они были в плащах с капюшонами, не узнать их было невозможно. Одной из них была высокая стройная женщина с бледно-голубой чешуйчатой кожей, вторым – здоровенный кривобокий мужчина, ну а третьей... третьей, конечно же, была Психея, наряженная в платье мальчика-пажа. Явились трое Спутников точно вовремя, и хотя Аматусу все еще хотелось оттянуть время, он понимал, что час пробил, и тупая боль ностальгии отступила, покинула его. Принц молча поднялся, запахнул плащ. Сэр Джон, Каллиопа и Голиас последовали его примеру, а потом все семеро вышли из кабачка и зашагали по промозглым сырým улицам к поблескивавшей, словно рыба чешуя, реке.

Если кто и заметил их, то разве что горожане, подсмотревшие в щелочку из-за приоткрытых ставен, а в такую дождливую ночь вряд ли кто стал бы приоткрывать ставни. Они миновали Гектарианский квартал и пошли дальше по Венду мимо сводчатых арок и увенчанных шпилями домов вульгариан, мимо небольших «ступоров», где в теплые летние деньки они любили коротать время за чашечкой чая. Сэр Джон, Голиас и Кособокий несли зажженные факелы. Наконец компания добралась до набережной, где в Длинную реку по водостокам стекали нечистоты.

– Так уж вышло, – признался Голиас, – что я захватил с собой веревку, хотя, когда брал ее, не понимал, зачем она может мне понадобиться.

Кособокий передал свой факел Каллиопе и первым спустился по веревке вниз, в почти непроницаемый мрак. Впоследствии Аматус так и не мог сказать, действительно ли он видел, как спускался к реке начальник королевской стражи, или в это время он просто отсчитывал мгновения, глядя на то, как раскачивается веревка, выхватываемая из темноты тусклым светом факелов.

Кто-то должен был последовать за Кособоким, и пока его никто не успел опередить, принц Аматус натянул на руку плотную перчатку, которую на всякий случай носил с собой, ухватился за веревку и заскользил по ней вниз. Он видел, как раскачивалась веревка, когда по ней спускался Кособокий, но никак не ожидал, что это так страшно и неприятно. Принца то толкало к граниту набережной, то относило к реке. Сердце его уходило в пятки, когда пальцы, сжимавшие веревку, слабели. Но мало-помалу веревка стала раскачиваться меньше, и вскоре Аматус коснулся ступней скользкого выступа.

– Мог бы придержать веревку, – укорил Кособокого принц.

– Тебе это было ни к чему. Вот тем, кто за тобой последует, не помешает, так что давай-ка хватайся. И три руки крепко сжали конец веревки.

– Да уж, телохранитель из тебя... – проговорил Аматус, но собственный голос показался ему жалобным, и он тут же пожалел о сказанном.

– А я не телохранитель. Я загадочный Спутник, – уточнил Кособокий голосом скрипучим, как несмазанное тележное колесо. – Так нужно для сказки. А если бы не так, то я – начальник королевской стражи, и уж тогда я бы должен отвести тебя домой к папочке да всыпать тебе по первое число. Повезло тебе, считай, что нынче у меня, так сказать, нерабочее настроение. А кроме того, твой отец понимает, как из принца человека делают.

– Хватит болтать. Остальные спускаются. Слитгиз-зард спустится последним. – Это был голос Мортис.

Аматус понял, что лучше не спрашивать придворную колдунью, как она здесь оказалась. Быть может, прилетела, а быть может, просочилась сквозь землю. Принц только согласно кивнул и покрепче уперся единственной ступней в камень.

Первой спустилась Каллиопа – так резво, что веревка снова дико раскачалась. Аматус протянул к девушке руку, и она соскользнула в его объятия, что несказанно порадовало принца. Психея спустилась быстро и легко – веревка даже не шелохнулась, а следом за ней гораздо менее изящно спуск совершил Голиас. Наконец аккуратно и почти мгновенно спу-

стился сэр Джон Слитгиз-зард. Компания была в сборе и готова начать свое странствие по темным сырým туннелям чрева столицы Королевства.

Глава 5

РАЦИОНАЛЬНОЕ ЧУДОВИЩЕ И ГОБЛИНЫ – РАЦИОНАЛИЗАТОРЫ

Довольно долго нужды разговаривать не было. Все следовали за Голиасом, освещавшим дорогу факелом, да время от времени поглядывали друг на друга. Мортис была по обыкновению спокойна. Теперь, в подземелье, она откинула капюшон плаща, и ее белоснежные волосы и голубая кожа светились почти в полной темноте. Голиас, Джон Слитгиз-зард и Кособокий, похоже, пребывали в ожидании чего-то, что могло в любое мгновение случиться. Аматус решил: это потому, что они более опытные искатели приключений, чем он. Принц попробовал настроиться на такой же лад, но его хватило всего на краткий миг. Большею же частью он чувствовал себя примерно так же, как тогда, когда мальчиком шагал вслед за отцом на какую-нибудь скучнейшую дворцовую церемонию.

За принцем шли Каллиопа и Психея. Аматус не оглядывался назад: боялся, как бы они не заметили, что ему страшновато, или, наоборот, как бы он не заметил, что страшновато им, или, что и того хуже... как бы не оказалось, что женщины на самом деле и не думают поддаваться страху.

Шли они довольно долго, прежде чем заметили первые признаки присутствия гоблинов. Дело в том, что с тех пор, как король Бонифаций назначил Седрика верховным главнокомандующим, Седрик приступил к выполнению программы систематического истребления гоблинов, и теперь мало кто из них отваживался высунуть нос из подземелий. Как правило, то были отчаянные наглецы, но вреда от них бывало немного: напишут что-нибудь пакостное на стене, молоко у кого-нибудь сквасят. Так вот, приближаясь к границам Страны Гоблинов, наши путешественники воочию увидели плоды кампании по сдерживанию гоблинов. На каждом повороте им попадались скелеты гоблинов, куски доспехов и сломанные мечи. Неприятнее всего смотрелись черепа: свет факела попадал в пустые глазницы, и черепа как бы оживали. Казалось, они того и гляди заговорят.

Черепки были страшные, со здоровенными, как у бульдогов, челюстями и костистыми выростами вокруг похожих на хоботы носов. Над глазницами нависали тяжеленные надбровные дуги, а черепную коробку венчал шипастый гребень.

А глазницы... от них глаз невозможно было оторвать... круглые и глубокие, словно колодцы.

Аматус шагал вперед, решив, что, если мужество покинет его, придется дальше идти без него.

Наконец компания подошла к потрескавшемуся полусгнившему деревянному мосту, переброшенному через глубокую расселину. Перед мостом стояли деревянные ворота, а у ворот разместился маленький косматый гоблин – жутко уродливый и встретивший путников таким зловещим взглядом, что от такого, наверное, и другие гоблины бы в страхе поежились.

– Зачем явились?

Из наставлений Голиаса Аматус помнил, что в Стране Гоблинов нужно говорить правду, потому честно и откровенно ответил:

– Мы явились для того, чтобы спасти девицу, томящуюся здесь уже несколько столетий.

– А-а-а, эту. Ну, это ладно, попробуйте счастья. Давненько сюда никто носа не совал, кроме заносчивых простолюдинов. Да и тех – по пальцам сосчитать. Вас всего семеро?

– Да.

– И назад вернутся семеро?

Принц уже готов было ответить: «Да», подумал, решил, что надо сказать: «Нет, восьмеро», но, поразмыслив, сказал:

– Откуда мне знать?

Глазки гоблина разочарованно сверкнули.

– Ну тогда ладно. Считайте, что предварительное испытание прошли. Теперь проходите в ворота и топайте по мосту, ну а там Чудовище вам загадки будет загадывать.

Мост зловеще раскачивался. Время от времени от него отваливались обломки и падали в черную бездну расселины.

– Самый подходящий мостик для сказки, – шепнул Амагус Голиасу.

– Самый что ни на есть, – согласился Голиас. – Ой! – Мост вдруг резко качнулся в сторону. – Наверняка он тут давно висит, да и провисит еще долго. Но не всякий реквизит для всякой сказки годится... Да что я тебе говорю, ты ведь и сам законы магии знаешь. Может быть, этот мост тут так просто висит, для создания соответствующей атмосферы.

Из-под руки Каллиопа сорвался в пропасть кусок поручня и медленно полетел вниз, вертясь, пока не скрылся из глаз. Еще пара мгновений – и путники услышали глухой стук. Потом еще один. И еще.

– Хватит! – прокричала Мортис. Все вздрогнули так сильно, что если бы мост продолжал раскачиваться, кого-то непременно подбросило бы, и лететь бы ему, бедняжке, в пропасть. Но мост ни с того ни с сего раскачиваться перестал. Он стал вдруг прочным, словно каменный, и широким, как королевская дорога. Вдобавок вроде бы и мрак слегка рассеялся, и сразу стало видно, что хоть расселина и глубока чрезвычайно, но все же не бездонна. Мортис холодно усмехнулась:

– Голиас подсказал верное решение. Мост либо важен для сказки, либо просто создает соответствующую атмосферу. В последнем случае он бы просто со временем испарился. В таких случаях достаточно волшебного слова, и я решила, что таким словом в данном случае является слово «Хватит!». В таких местах, конечно, мало на что можно с уверенностью полагаться, но снять заклинания со второстепенных вещей легко.

И они пошли по широкому и прочному мосту и, миновав его, стали поджидать Чудовище. Довольно скоро послышался ужасный шум, эхом пронесшийся по пещере, и над большим камнем показалась лохматая голова чудовища – нечто среднее между башкой медведя и змеи, с такими огромными челюстями, что они, наверное, смогли бы запросто перекусить человека. Голова сидела на длинной косматой шее. По обе стороны камня виднелись широкие крылья, напоминавшие крылья летучей мыши.

– Что это такое: с утра ходит на четырех ногах, в полдень бреет брови, по вечерам переходит дорогу, и что у него в карманах?

– Это я сам и мои личные вещи, – без запинки отвечал Амагус.

– Можете проходить. Неплохо, кстати, ответил. Многим приходится делать все три попытки. Удачи, как говорится, в дальнейшем.

– Как думаешь, если бы он взялся нас поедать, он бы остался таким же обходительным? – шепотом спросила Каллиопа у Амагуса.

– Ни за какие коврижки я бы вас даже пробовать не стал, – прошептал зверь и добродушно усмехнулся. – Люди на вкус просто отвратительны. Если и случается кого слопать, то проглатываю я людей с колоссальным трудом и потом неделями страдаю несварением желудка.

И пошли они дальше по дороге, ведущей к Стране Гоблинов. Могильные черви, обитавшие на стенах и потолке туннеля, испускали мертвенно-зеленоватый свет, и путники видели даже, пожалуй, больше, чем хотели бы. Мимо них проносили в паланкинах гоблинских вельмож, гоблины-купцы проезжали с корзинами, полными всяческих товаров, то есть гоблины просто-таки кишели кругом, однако путники на них особого внимания не обращали.

По прошествии довольно долгого времени Каллиопа поинтересовалась:

– Откуда ты знал ответ на загадку?

– Дело практики, – отозвался Аматус. – Голиас сказал мне, что на все подобные загадки ответ один: «я сам». Вот вопрос насчет того, что у меня в карманах, заставил меня немного поволноваться.

– Как бы то ни было, ответил ты славно, – отметил Джон Слитгиз-зард. – И у меня такое ощущение, что все окончится хорошо. Похоже, нам предстоит не такое испытание, какого я боялся. Я-то думал, что тут на каждом углу по гоблинскому палачу стоит.

Аматус поежился. Он знал, что такие испытания бывают, и только теперь понял, что могло ему выпасть и такое, и все же, несмотря на это, Каллиопа и сэр Джон не отказались отправиться вместе с ним. И теперь принцу более, чем раньше, не захотелось оказаться самым трусливым участником приключения.

Туннель шел прямо, и все уже начали задумываться, скоро ли поворот, как прямо перед ними появился дорожный указатель: «В Страну Гоблинов».

– Странно, что написано на нашем языке, – проговорила Каллиопа.

– Такие уж они, эти гоблины, – объяснил Голиас. – Сами ничего не умеют. Только пользуются тем, что создали другие.

Дорога к дворцу короля гоблинов больше напоминала тропу. Ей явно пользовались нечестно. Гоблины к порядку относились наплевательски, дорожной пошлины ни с кого не брали, и королевский двор был в общем-то не местом пребывания правительства, а чем-то вроде дорогого развлекательного центра, куда состоятельные гоблины посылали своих бездарных отпрысков в надежде, что те сделают политическую карьеру. А потому тут в итоге отмечалась невиданная концентрация идиотов всех мастей, недотеп, оболтусов, садистов недоучек, лове-ласов-недоумков, туповатых сплетников, аморальных взяточников и недоразвитых сексуальных маньяков. Гоблины поумнее держались от королевского двора подальше, как от приюта для умалишенных, каковым двор, в сущности, и являлся. Если бы Терракоты – гоблинский королевский род – не были бы столь неуемны в сексуальном плане и не плодили бы непрерывно в огромном количестве незаконнорожденных детей, их род бы уже давным-давно вымер. Ведь для того, чтобы более или менее успешно править страной и пребывать при этом в более или менее здоровом рассудке, они должны были осознавать, какое жуткое общество их окружает.

Все это Голиас торопливым шепотом объяснял Аматусу, покуда отряд смельчаков шагал мимо множества ниш в стенах туннеля. А в нишах разместились старательно обглоданные скелеты или части скелетов, как гоблинов, так и людей, и еще каких-то тварей, которых живыми представить можно было только волевым усилием воображения. Пахло тухлятиной. Поперек тропы валялись полусгнившие трупы, и путешественникам приходилось перешагивать через них.

Каллиопа по неосторожности наступила на руку какого-то мертвеца. Рука ухватила ее за сапог, но девушка дала мертвецу пинка, и труп отлетел в сторону. Потом сэр Джон поскользнулся на какой-то склизкой гадости, и скрюченные пальцы скелета вцепились в его голень. Было полное впечатление, что сэр Джон наступил на гадюку, гуляя по лесу.

– Ага! – понимающе воскликнул Голиас. – Все ясно! – И он вытащил из-под плаща короткую палку, к концу которой был привязан кусок ткани, и небольшую склянку, после чего капнул немного содержимого из склянки на палку. Та мгновенно превратилась в метлу. Метла немного постояла перед путешественниками по стойке «смирно», а затем двинулась вперед, яростно подметая тропу и расшвыривая кости по обочинам.

– Входить в Страну Гоблинов следует, соблюдая определенные меры предосторожности, – пояснил Голиас. – Тут дело не в том, чтобы просто идти, а в том, чтобы избегать хождения определенного сорта. Стоит последовать этому мудрому правилу, и все идет как по маслу. В данном случае пустые пространства между трупами были заколдованы.

Метла, расчистив тропу на участке до поворота, остановилась и принялась нетерпеливо подпрыгивать на месте.

С виноватым смешком Голиас устремился вслед за ней. Аматус усмехнулся. Он понимал, что алхимик не один час провел за изучением природы путей зла, способов их заклятия и того, как при этом пользоваться магическими метлами.

Вскоре после поворота путники оказались в огромном сводчатом зале – дилетантской копии какого-то помещения надземного мира. Появление незнакомцев вызвало большой шум. Голблинские вельможи разбегались в разные стороны – видимо, для того, чтобы поскорее занять подходящие места.

Идти к королевскому трону по проходу между придворными оказалось еще более противно, чем по тропе, усеянной трупами. Львиную долю вельмож составляли умалишенные, причем почти поголовно буйные, а будучи гоблинами, они являли зрелище отвратительное даже для своих сородичей. Разодеты придворные были опять-таки в некое подобие одежд надземного мира, а уж то, как эти одежды были кроены-перекроены, отражало степень помешательства их владельцев. У одной дамы вокруг выреза декольте были вышиты шаловливые ручонки, а у одного вельможи-горбуна горб был украшен гребнем из павлиньих перьев. Если на теле гоблинов имелись незаживающие болячки, они и не думали прятать их от посторонних глаз – нет, язвы выставлялись на всеобщее обозрение, а то еще бывало, что детали платья просто-таки к ним пришивались или прикалывались булавками.

Сэр Джон еле слышно поругивался и старался по возможности смотреть прямо перед собой. Левую руку он держал под плащом, поближе к ремню, к которому были приторочены три мушкета и кинжал, а правой рукой сэр Джон незаметно сжимал рукоять меча. Психея быстро наклонилась – как бы для того, чтобы поправить сапог. На миг сверкнула сталь. Аматус тоже не удержался и сжал рукоять меча. Глянув краешком глаза на Кособокого, принц понял, что и он на всякий случай держит оружие наготове.

Король и королева гоблинов (она была истинной Терракотой, а он – бастардом, женившимся на ней исключительно из тех соображений, что она была его сводной сестрицей) оказались чуть поприятнее на вид, чем придворные, вот только взгляд у королевы, в котором мешались желание кого-нибудь немедленно прикончить и тупое кокетство, вызывал дрожь.

– Зачем вы вторглись в наше царство? – сурово спросил король у Голиаса.

– На этот вопрос вам ответит мой повелитель, – отвечал Голиас. – А вы послушайте и тогда поймете, зачем мы пришли.

Ответ Голиаса прозвучал официально, и Аматус пожалел, что в свое время не уделил должного внимания изучению дипломатических формальностей. Именно такая форма общения показалась принцу соответствующей двору гоблинских правителей, а не обычная вежливость. Правда, куда бы ни попадал Аматус в компании с Голиасом, у него почти всегда возникало сожаление по поводу собственной малой начитанности в той или иной области, и потому принц без промедления перешел к делу:

– Вы удерживаете у себя девицу из рода людей, подданную нашего Королевства, и поскольку ее родным не удалось выволить ее, мы явились сюда с этой целью.

– Она уже не девица. Мы насильовали ее до тех пор, пока она не перестала сопротивляться, а потом – до тех пор, пока это не стало ей безразлично, а теперь она только этого и жаждет и просит еще, – злорадно проговорила королева.

– Это – на редкость неуклюжая ложь, – сказал Голиас. – Будучи теми, кто вы есть, вы повинуетесь еще более строгим законам, нежели те, что приняты среди людей, а потому вы не способны были лишить девицу невинности, как бы ни старались совратить ее. Если бы ваши подданные попытались изнасиловать девицу, они бы все погибли, ибо, являясь не истинной плотью, а насмешкой на истинную плоть, гоблины не могут коснуться такого могущественного

существа, как человеческая девственница. Это записано во множестве книг, и некоторые из них принадлежат моему перу.

Повисла долгая пауза. Королева от злости стукнула кулаками по подлокотникам трона, и потолок зала задрожал с глухим рокотом. От потолка оторвался кусок камня и упал на толпу вельмож, угодив в одну из придворных дам, которая упала на пол, придавленная камнем. Дама завизжала, начала корчиться в агонии и стонать, а окружавшие ее гоблины принялись тыкать в нее пальцами и хихикать. Лишь немногие окружили несчастную, присели рядом с ней и стали оплакивать ее. Похоже, это им доставляло истинное наслаждение. А один тощий гоблин ухватил бедняжку за руку и принялся с голодной страстью откусывать ее. Никто и не думал помочь бедной гоблинке. Наконец сэра Джон Слитгиз-зард не выдержал, выхватил мушкет, зарядил его, прицелился и нажал на курок.

Мушкет издал громкий хлопок, и тяжелая картечь мигом положила конец страданиям придворной дамы. Амагус чуть не раскашлялся от порохового дыма, но из дипломатических соображений сдержался.

– Жаль, что она пострадала, – заключила королева, – но вы ее убили. – Грязная слеза стекла по щеке королевы – такая же грязная, как ее невымытые патлы. – Я в этом совершенно уверена. Можно считать, что мы с ней обе пострадали одинаково, ибо я – королева добросердечная и мне нестерпима такая жестокость.

Король приосанился и возгласил:

– Кто вы такие, что смеете убивать моих придворных прямо у меня на глазах?

Амагус отметил, что потолок на сей раз на королевский гнев никак не отреагировал. Теперь он уже не сомневался, в чьих руках сосредоточена здесь реальная власть.

– Камень упал, когда гневалась королева, – негромко отметил Голиас.

Тут гоблинская королева жутко побледнела, стукнула кулаками по подлокотникам трона и взвизгнула:

– Я не злая!

Камни и штукатурка градом посыпались на придворных, но ни Амагус, ни его друзья не пострадали, так как стояли поблизости от королевского трона, а на короля с королевой ни камушка не упало. Гоблинские вельможи в страхе разбежались по углам.

– Вы огорчаете королеву! – возопил король.

Королева прищурилась:

– Вы исполните все условия.

Голос Голиаса не изменился, но прозвучал твердо и уверенно:

– Мы не станем оглядываться, переговариваться, возвращаться назад и не прибежем к оружию до тех пор, пока не будет ранен кто-то из наших рядов. Мы принимаем эти условия и согласны по доброй воле выполнить их, хотя знаем, что вы – лжецы и обманщики. Мы согласны, ибо жизнь подданной принца и ее свобода для него дороже, чем риск, из-за которого он может пасть жертвой вашего предательства. Вы всего лишь оттягиваете неизбежное. Отдайте нам девицу.

– Отвернитесь и уходите. Она последует за вами.

– Покажите нам ее. Когда мы убедимся, что она следует за нами, мы отвернемся.

Королева съежилась, закрыла лицо руками и принялась хныкать и причитать – дескать, почему это ей не доверяют, что так нечестно и что никто не понимает, как это трудно – быть королевой. Король принялся безуспешно утешать супругу. Он гладил ее содрогавшиеся от рыданий плечи и кричал, чтобы наглецы ушли и оставили его бедную женушку в покое.

А королева всхлипывала и бормотала что-то насчет того, что если люди поцелуют ее и попросят у нее прощения, то она их, так уж и быть, простит и отдаст им девицу вообще безо всяких там условий. Но Голиас заметил, что королева не властна освободить их от выполнения условий – не в ее это, так сказать, компетенции.

Наконец королева отплакалась, выпрямилась и тупо уставилась в пол, а король приказал привести девицу. Но вот беда – придворные-то все разбежались, кто куда, и никто из них не желал вернуться в тронный зал, пока королева не пообещает, что больше не станет гневаться и посыпать их камнями. Жалобные вопли придворных слышались из-за дверей. Они сгрудились там, но в зал входить упорно отказывались, хотя многие убеждали других, что теперь уже ничего дурного не случится. В конце концов король был вынужден самолично отправиться за плененной девицей.

Как только он удалился, королева сразу повеселела.

– Знаете, – призналась она, – у нас тут так редко бывают гости, а это очень жаль, потому что народ мы очень гостеприимный. И вы бы это сразу поняли, если бы познакомились с нами поближе. Не желаете ли чего-нибудь вкусить или выпить?

– Нет, – решительно отказался Амагус. Он был голоден и хотел пить, но утолять голод и жажду гоблинскими яствами и напитками не собирался.

– А у нас тут такие чудные коллекции живописи, – щебетала королева. – Ведь мы, гоблины, живем долго, и та дама, которую вы прикончили, бедняжку... о, у меня все еще перед глазами ее лицо, искаженное болью, но это ладно, мы не станем сейчас говорить о таких неприятных вещах... так вот, поскольку, как я уже сказала, живем мы долго и жаль, что она умерла в расцвете лет, ведь ей всего-то несколько веков миновало – совсем ребенок, можно сказать, – но об этом мы тоже говорить не будем и не станем обсуждать, что за людей вы, принц, привели сюда с собой... так вот, поскольку живем мы подолгу, наверняка в нашем собрании живописи отыщутся портреты ваших предков, а ведь это так интересно...

– Да, мне было бы любопытно взглянуть на вашу коллекцию, – согласился принц, – но я это понимаю по-своему, и когда придет время, я вернусь сюда, заберу картины и развешаю их у себя во дворце по своему усмотрению. А если я сочту, что некоторые из них фальшивые, я прикажу их сжечь.

Амагус всем телом ощущал непонятный зуд. Ему казалось, что по нему ползают крошечные обезьянки и, чмокая крошечными губешками, слизывают с его кожи капельки холодного пота, царапают его миниатюрными коготками, примериваются зубками, где бы откусить кусочек.

– Как пожелаете. Вы, как я посмотрю, всегда добиваетесь своего. Очень польщена знакомством с вами, – процедила королева сквозь зубы и стала прихорашиваться – пригладила шерсть на физиономии, оправила мантию. – Даже и не понимаю, зачем вам быть таким противным, если вам и так все удается.

Тут вернулся король с девицей. Вид у той был такой, словно в царстве гоблинов она пробыла денек-другой, не больше. Дело в том, что время в этой стране течет довольно-таки странно. И не исключено, что для девушки прошло именно столько времени. Ей, наверное, казалось, что всего-то час назад ее возлюбленный являлся сюда, чтобы спасти ее, но ушел, несолоно хлебавши. Похоже, она даже не вздремнула.

– Привет, – довольно-таки высокомерно произнесла девица. – Вы небось мои спасители.

Амагус шагнул к ней. Пол в зале оказался скользким, жирным, и полы его плаща распахнулись, и все увидели, что у принца не хватает половины тела. Однако принц с достоинством опустился на колено, не обращая внимания на грязь на полу. Он знал, что грязь отмоется, а позор – никогда. Он взял девицу за не слишком чистую руку и поцеловал ее пальцы так, словно она была гранд-дамой при его дворе, а не той, кем она была на самом деле: пухлой простолюдинкой с глуповатой мордашкой, кривыми зубами и приплюснутым носом.

– Девица, – торжественно произнес принц, – я чту тебя за то, что тебе пришлось пережить. Девушка густо покраснела.

– Да что вы все – «девица» да «девица»! Сильвия меня звать.

– Вот ведь чудно! – хихикнула королева. – Столького добился, хоть всего из одной половинки состоит! А все ради какой-то толстухи из семейства, про которое никто бы и слыхом не слыхивал, не попади она сюда. Но надеюсь, принц не обесчестит это семейство своим дальнейшим обхождением с этой дурнушкой – хотя, честно признаться, и обесчестил бы – никто бы его за это не осудил. Эти простолюдинки – сущие свиньи и в постели подобны свиньям. Конечно, может, мне и не стоило говорить о таких неприличностях, но вы уж простите, я не всегда собой владею...

– Заткнись, – распорядилась Каллиопа. Психея и Амагус обернулись к ней, и тут принц понял, что и Психея чересчур серьезно слушала гоблинскую королеву. Честно говоря, трудно было пропустить ее болтовню мимо ушей.

И тут, словно Каллиопа разрушила какое-то заклинание, заговорил Голиас.

– Сильвия, – сказал алхимик, – мы чтим твое терпение, но тебе еще предстоит претерпеть грядущие испытания. Ты последуешь за нами, но нам нельзя будет оглядываться на тебя. Мы также не должны по пути переговариваться, даже если ты будешь кричать и звать нас на помощь, а гоблины наверняка будут подражать твоему голосу и кричать даже тогда, когда ты будешь молчать. Ты можешь спорить с ними, но мы не сможем определить, твой ли голос слышим. Нам нельзя сходить с дороги и возвращаться обратно, поэтому тебе придется поспевать за нами. Поэтому тебе лучше не кричать даже тогда, когда будет страшно, чтобы никто из нас не бросился тебе на подмогу. И наконец, нам нельзя пользоваться оружием, пока не ранят кого-нибудь из нас, поэтому даже если ты заметишь засаду и почувствуешь подвох, молчи и не предупреждай нас об этом, ибо мы можем поддасться искушению и пустить в ход оружие раньше времени. Как только гоблины предадут нас, мы обретем право нарушить условия. И тогда ты сможешь догнать нас, только поторопись.

– Поняла, – ответила девушка.

– Условия тяжелые, – отметила королева. – Честно говоря, и не думала, что кто-то решится их выполнить, пока нынешние правила в силе. Но уверена, у вас все получится, если только ваши сердца полны надежды, но мне и самой условия кажутся такими несправедливыми, что...

– Заткнись, – мужественно выговорил Амагус. И сам удивился собственной дерзости.

Путники развернулись и зашагали к выходу. Король гоблинов увязался за Амагусом и все уговаривал его вернуться, задержаться и помириться с королевой, поскольку, по мнению короля, лучше было расстаться друзьями. Король лепетал о том, что он сам – гоблин честный и порядочный, да и королева тоже, если узнать ее поближе. Просто, говорил он, придворные ее порой плохо понимают, вот и оговаривают бедняжку, наводят тень на плетень...

Амагусу ужасно надоели причитания короля, и он жаждал услышать какие-нибудь другие звуки, но, увы, к хнычущему баску короля примешивалось только посвистывание метлы, послушно метущей дорогу перед компанией смельчаков. Наконец путники выбрались на главную дорогу. Король на прощанье произнес дежурную фразу:

– Ну вот, гости у нас бывают редко, так что мы очень-очень рады, что вы нас навестили. Приходите к нам еще, приятного вам дня. А у вас там, наверху, похоже, скоро рассвет.

С этими словами он наконец ретировался.

А Сильвия тут же дико завопила.

Глава 6

ЛУЧ СОЛНЦА

Аматус вздрогнул, но не обернулся и не замедлил шага. Еще мгновение – и Сильвия сообщила:

– Это гоблин кричал.

– Ой-ой-ой! Он меня бьет! – сообщил тот же голос.

– Он, наверное, будет мучить меня, пока мы не выберемся отсюда...

– Он подражает моему голосу, чтобы вы мне не помогли! Ой! Ой! На помощь! На помощь!

Дорога была долгая, но на этот раз гоблины по пути не попадались – держались позади путников. Пламя факела, который нес Голиас, озаряло своды туннеля, увешанные сталакти-тами причудливой формы, и хотя воздух в туннеле был неподвижен, пламя плясало и подпрыгивало, словно боролось с мраком, а тени зловеще танцевали на потолке.

Через некоторое время гоблинам, видимо, прискучила эта игра, и они начали развлекаться тем, что стали швыряться камнями, не попадая, правда, при этом по путникам. Камни перелетали через головы людей и громко клацали по каменному полу. Всякий раз, швыряя камень, кто-то из гоблинов вопил голосом Сильвии:

– Осторожно! Поберегись! – или:

– Ой, щас жажнет!

Поначалу эта игра на самом деле щекотала нервы, но потом эффекта поубавилось. Гоблины – такой народ. Эстетического чутья им недостает, вот они и думают, что если что сработало в первый раз, то можно этим заниматься бесконечно с этим же результатом. В итоге туннель просто-таки разрывался от какофонии воплей «Сильвии» и грохота падающих камней. Число же вопящих Сильвий возросло до невероятности, и теперь при всем желании невозможно было бы отличить крики настоящей девушки от визга гоблинов-имитаторов. Довольно скоро Аматусу стало просто смешно.

Пытаясь сдержать смех, он искоса глянул на Каллиопу и обнаружил, что та тоже давится от хохота. Принц перевел взгляд на сэра Джона Слитгиз-зарда и заметил, что тот тоже усмеяется уголками глаз, как и Психея. Условия не запрещали смеяться. Нельзя было разговаривать и оглядываться назад, а смеяться – сколько угодно. Вскоре вся компания уже дружно хохотала.

А когда все отсмеялись, то поразились наступившей тишине. Они пошли дальше, и только поскрипывание сапог и башмаков напоминало о том, что они живы.

Впереди завиднелся мост, а больше никто из гоблинов не показывался. Чудище, загадавшее им загадку, приветственно, по-деловому кивнуло. Похоже, на сей раз ему были глубоко безразличны идущие мимо люди. Чудище даже хвостом повиляло. Путники по очереди погладили зверюгу и даже за ушами почесали (для этого пришлось чесать за каждым ухом вдвоем), что чудищу очень понравилось. Пройдя вперед, путники услышали, как Сильвия погладила голову чудища и попросила не пускать на мост гоблинов. Затем, судя по всему, Сильвия пошла по мосту следом за всей компанией, а Чудище оповестило людей о ситуации:

– Они ее не тронули, она жива-здоровехонька. Как говорится – без происшествий. Спустившись с моста, путники снова встретились с гоблином-привратником, который поинтересовался:

– Скажите, куда идете и зачем покидаете Страну Гоблинов?

Голос у него был такой, словно все это ему до смерти прискучило.

Голиас ничего не ответил, а просто пошел дальше – ведь никому из путешественников нельзя было говорить, покуда они не увидят света дня. Остальные молча последовали за Голиасом.

Гоблин повторил вопрос несколько раз, последние пару раз перешел на крик, но компания упрямо шла вперед, храня молчание и не оборачиваясь.

Вдруг у самого уха Аматауса послышалось ядовитое, леденящее душу шипение, и в тот же миг спину Голиаса пронзила стрела. Ее черное оперение торчало у алхимика между лопаток. Издав отчаянный крик, Голиас рухнул на пол ничком, раскинув руки. Его лицо и бороду запачкала липкая грязь. Факел выпал из рук Голиаса и погас. Теперь дорогу озаряло только зеленоватое свечение могильных червей.

Аматус обернулся и увидел, что привратник заряжает лук новой стрелой.

– Прошу прощения, но правила есть правила, – произнес он с ядовитой ухмылкой. Ухмыляться, впрочем, долго он не смог, так как сэр Джон вогнал ему в глаз кинжал по самую рукоятку.

Сильвия бегом догоняла остальных, а за ней мчались десятки и сотни гоблинов, вооруженных до клыков. Рекой стекала с моста толпа жутких тварей. Аматус, не задумываясь, выхватил из-под плаща мушкет, оттянул тяжелый бронзовый затвор, забил в ствол побольше картечи.

– Тихо, не спеши, не стреляй раньше времени, – послышался за спиной у принца негромкий голос сэра Джона.

– Подпустите их на выстрел, – прогремел с другой стороны голос Кособокого. Рядом с Аматаусом встала Каллиопа, также зарядившая свой мушкет.

А за спиной у принца слышались хриплое дыхание и кашель Голиаса. Моргис, Психея и Сильвия пытались облегчить его предсмертные муки.

Гоблины упорно подбирались поближе, их ноздри раздувались, языки облизывали губы. Эти твари обожали поедать все, что страдает в процессе поедания, но их излюбленной пищей была людская плоть.

Вооружены гоблины были так-сяк. Оружие у них было самое разномастное, большей частью наворованное в надземном мире. Среди них, судя по форме, имелось довольно много генералов и полевых командиров. Гоблины приволокли с собой все, что могли, от грубо сработанной мортиры (она наверняка не стреляла, и пользоваться ей можно было только как дубинкой: держали ее за дуло) до грабель. Похоже, сюда примчались те самые чокнутые гоблины, что не так давно выдавали себя за придворную челядь. Теперь они держались в арьергарде и оружием подталкивали вперед «простых солдат».

К первой атаке гоблины готовились довольно долго. У Аматауса мелькнула мысль: не воспользоваться ли медлительностью врагов? Тогда можно было бы унести с поля боя Голиаса и выбраться на поверхность. Но Кособокий, словно услышав мысли принца, прошептал:

– С гоблинами так нельзя. Покажешь им спину – пиши пропало. Когда они кинутся на нас, – сказал он чуть громче, чтобы его смогли услышать остальные, – цельтесь в передовую линию. Это наверняка те кого специально морили голодом, – они и вправду опасны. А вы, сэр Джон, постарайтесь разглядеть тройку самых злостных генералов – это те, что гонят остальных вперед, и попробуйте их подстрелить.

– Это мы с радостью, – отвечал сэр Джон.

– Цельтесь пониже, – посоветовал Кособокий. – Гоблины – коротышки, и к тому же при промахе с такого прицела можно вдобавок задеть кого-нибудь еще из этих тварей.

Позади Сильвия и Психея отчаянно пытались приподнять Голиаса и усадить, чтобы он мог дышать. Рядом с ними Моргис читала Септицемию, седьмое из Великих Заклинаний. Считалось, что оно способно противостоять действию любых ядов. Время от времени слышались хрипы и вздохи алхимика – значит, он был еще жив. Но вот послышался очередной хрип, и вдруг в пещере стало тихо-тихо, только постукивали капли воды, стекавшей со сталактитов. Аматус услышал, как Кособокий медленно, обреченно выдохнул.

Гоблины бросились на людей, подгоняемые дубинками и ржавыми саблями своих командиров. Первые ряды тварей мчались строго вперед, безо всякой военной хитрости и тактики, ведомые исключительно желанием как можно скорее запустить клыки в людскую плоть. Амагус услышал выстрел мушкета Кособокого, сам хорошенько прицелился и пальнул картечью по одному из гоблинов. Даже не удосужившись проверить, попал или нет, принц выхватил из-за пояса второй мушкет, взвел курок и выстрелил. Уложив второго гоблина, он поспешно разрядил и третий мушкет. Амагус слышал, что Кособокий и Каллиопа тоже стреляют, и когда он обнажил свой меч, успел заметить, что пол уже усеян трупами гоблинов и что сэр Джон своей стрельбой успел пробить брешь в арьергарде врагов, куда устремились твари, желающие спастись бегством.

Но тут часть гоблинов бросилась прямо на Амагуса. Маленькие, не более пяти футов ростом, оружием злодеи пользовались неумело – они просто яростно им размахивали, но их было такое количество, что в массе они все же были опасны. Пришлось принцу действовать примерно так, как во время урока фехтования. Он старался как можно скорее отбиться от очередного противника. Скоро принц уже потерял счет своим удачам и не мог бы сказать, скольких гоблинов уложил, скольких ранил, а скольких просто заставил отступить. Он знал, что многие уже просто удрали, но на поле брани теперь остались сушие безумцы, одуревшие от голода.

Минуты ли летели, века ли тянулись – здесь, в мертвенном зеленоватом свечении могильных червей... Амагус рубил и колол, судорожно вдыхал затхлый промозглый воздух. Холодный пот ручьями стекал по его усталой руке, но он не сдавался.

Вдруг рядом с ним громко взревел Кособокий. Великан размахнулся мечом, наклонился и что-то подобрал с пола. Мгновение спустя он выпрямился, держа одной рукой за ноги извивающегося гоблина. Сжатой в кулак другой рукой начальник королевской стражи молотил по ребрам визжащего ублюдка.

– Я безоружен! Драться не могу! – прокричал Кособокий, вертя гоблина над головой. – Натe! Ешьте, твари!

Как следует раскрутив визжащего гоблина, начальник стражи швырнул его в сторону его сородичей. Гоблин перелетел через арьергард и шлепнулся на пол пещеры.

Голодные товарищи незамедлительно развернулись и набросились на него, не обращая внимания на его дикие вопли и мольбы о пощаде. На некоторое время звуки боя сменились клаяньем клыков и треском раздираемой плоти.

Прежде чем Амагус успел сообразить, что же делать дальше. Кособокий устремился в обход гоблинского войска, выхватил из толпы зазевавшегося гоблина, сжал его мертвой хваткой и заставил бросить оружие. Еще мгновение – и вот еще один беспомощный гоблин был отдан на съедение сородичам-каннибалам. И снова вопли поедаемого и скрип клыков.

Кособокий продолжал закреплять достигнутый успех. Его тактика срабатывала беспроигрышно. Оказалось, что длительная голодовка превращает гоблинов в неумных обжор, и довольно скоро Кособокий почти всех тварей скормил друг дружке. Когда остался последний, Кособокий и с ним церемониться не стал. Ухватил за лодыжки, размахнулся как следует и зашвырнул гоблина в пропасть под мостом. Летел гоблин недолго – только показалось, что долго, но все равно при падении звучно шмякнулся и, судя по всему, разбился вдребезги.

Амагус, сэр Джон и Кособокий поспешили к Голиасу. Психея выдернула стрелу и оставила кровь, но наконечник, как оказалось, был смазан гнилой слизью с пола пещеры. Лицо алхимика мертвенно позеленело.

– Рана близко от позвоночника, – заключил сэр Джон Слитгиз-зард. – Если мы тронем его, он может умереть.

– А не тронете – я точно умру, – еле слышно пробормотал Голиас. – Думаю, я так или иначе погибну. Но предпочел бы умереть при свете дня.

– Поднимите его, – распорядился Кособокий. – Только тихо, осторожно. Мы с сэром Джоном разрушим мост или продержим оборону, сколько сумеем.

– Мост насквозь пропитан злыми заклинаниями, – сказала Мортис. – Мне придется остаться с вами. Аматус, тебе придется нести Голиаса.

– Я выдержу, – ответил принц, наклонился и с помощью Каллиопы и Сильвии взвалил тело алхимика на плечо.

Он чувствовал на щеке горячее дыхание друга, а по его спине расплзался жар от вытекавшей из раны Голиаса крови.

– Пошли, – сказал Аматус.

Он очень удивился тому, каким легким оказался алхимик. Принц нес его сам, почти не покачиваясь. Лишь время от времени Сильвия и Каллиопа помогали Аматусу и поддерживали Голиаса, чтобы он не соскользнул с плеча принца.

Они шагали быстро. Психея зажгла факел и шла впереди, освещая дорогу. Каллиопа, нагруженная своими мушкетами и мушкетами Аматуса, замыкала шествие. Сильвия пыталась подбодрить Голиаса, шептала ему слова утешения. Но похоже, алхимик вновь лишился чувств.

Аматусу с трудом верилось, что всего несколько часов назад они вошли в подземелья по городским водостокам, что днем раньше он грелся на солнышке, не помышляя об этом жутком запахе смерти. И еще ему не хотелось верить в то, что теплая струйка слюны, стекавшая по его щеке, да не слишком тяжелая ноша на плече – это все, что осталось от Голиаса.

Размышления принца, казалось, втекли в его плоть и кровь. Аматус шагал, чувствуя, как жесткая борода Голиаса щекочет ключицу, как перекачивается по плечу отяжелевшая голова алхимика. Аматус вспоминал о том, как терпелив был с ним Голиас. О том, как он прочел первую толстую книгу, показавшуюся ему ужасно тяжелой, а Голиас тогда только улыбнулся, потрепал его по плечу и в награду за труды дал другую книгу, еще более трудную. Он вспоминал о долгих часах учебы и игре на непослушной лютне, о том, как Голиасу снова и снова приходилось показывать ему верную постановку пальцев, а еще о том, как Голиас усмехнулся, когда Аматус написал, на его взгляд, замечательный трактат по риторике, который, как выяснилось, далек от заданной темы. Да, тогда Голиас усмехнулся и проговорил: *Quid ergo, Amate?*

Поймав себя на том, что так обычно размышляют о человеке, который уже умер, Аматус решил подобные мысли отбросить, чтобы не накликал беду, и зашагал быстрее. Дыхание Голиаса стало частым, слабым и неровным.

И вдруг Психея радостно вскрикнула. Еще мгновение – и Аматус ощутил под ногами булыжную мостовую.

Они ускорили шаг, и вскоре Каллиопа сначала предупреждающе свистнула, но потом издала крик радости. Мортис, сэр Джон и Кособокий догнали друзей.

– Мосту конец, – сообщила Мортис. – И восстановят его очень не скоро.

Сэр Джон объяснил подробнее:

– Вняв совету госпожи Мортис, мы позволили ей проделать небольшую дырочку в слое магии, окутывавшей мост, а потом пробились сквозь это отверстие. Нам, правда, вряд ли бы удалось добиться успеха, если бы не сила и ярость Кособокого, но заклинания мы не трогали и мост обрушился одной лишь физической силой. Однако восстановить его гоблинам теперь удастся только упорным трудом. Пройдет еще много времени, пока мост снова будет возведен – ведь мы знаем, как трудолюбивы гоблины.

Кособокий добавил:

– Знайте, ваше высочество, что еще Мортис удалось развернуть Чудовище, что загадки загадывает, мордой в обратную сторону, и теперь оно будет стоять на пути у гоблинов, а не у людей.

– Эта перемена Чудище несказанно порадовала, – сообщил Слитгиз-зард. – Гоблины, так он сказал, на вкус ему больше нравятся.

– Но ведь ответ на его загадку известен всем, – машинально возразил Аматус. Он слушал товарищей вполуха и думал только о том, как бы поскорее вынести Голиаса к свету дня.

Но Мортис насмешливо проговорила:

– Ни один гоблин не сумеет легко разгадать загадку, ответ на которую гласит: «я сам и мои личные вещи». Так что, я думаю, мы теперь их не скоро увидим у наших ворот.

Принцу показалось, что Голиас стал еще легче, но не без тревоги Аматус заметил, что алхимик почти не дышит. Еле слышный вздох – и снова тишина.

– Если вы устали, я могу понести его, – предложил сэр Джон, но Кособокий возразил:

– Не стоит. В прикосновении принца скрыта сила, а быть может, и магия целительства. Да и быстрее него никто не донесет Голиаса.

Голос Кособокого прозвучал легко и гулко. Компания уже шла по городским водостокам. Слышался шум стекавшей в туннель по трубам воды.

Психея повернула за угол, свет ее факела померк, и вдруг она радостно, победно закричала. Остальные догнали ее и увидели свет в конце туннеля – радужную пляску бликов на потолке, отражение с поверхности реки. Солнце вот-вот должно было взойти, а путешественники были в нескольких шагах от выхода.

Аматус услышал слабый шепот Голиаса: «Только не во мраке, non in umbris sed in lucibus multis, Amate...»

Аматус пустился вперед бегом. Похоже, к алхимику ненадолго вернулись силы, и он сам сжал плечо юноши.

Как только принц выбежал из туннеля на широкий каменный выступ, солнце выпрыгнуло из-за реки, словно огромный алый шар, и подожгло волны багрянцем.

Сэр Джон расстелил на камнях свой плащ, и Аматус осторожно опустил на него Голиаса.

– Благодарю вас от всей души, ваше высочество, – слабым, еле слышным, каким-то потусторонним голосом проговорил алхимик. – На свет... помните об этом... всегда – на свет.

Аматус поддерживал рукой плечи Голиаса, и вдруг тело алхимика, казавшееся принцу таким легким на протяжении всего долгого странствия по мрачным подземельям, стало вдруг невыносимо тяжелым, и принцу пришлось опустить руку и уложить голову Голиаса на землю. Как во сне, он коснулся пальцами век алхимика и закрыл его глаза.

Остальные молча встали кругом около Голиаса. Аматус встал, не спуская глаз с мертвого друга.

Но тут все изумленно вскрикнули. Каллиопа указала вниз. Аматус опустил взгляд...

Левая половина тела у него по-прежнему отсутствовала, но рядом с правой ногой появилась левая ступня, самая что ни на есть живая и настоящая. На ней даже сапог оказался – точно такой же, как на левой ноге. Принц торопливо приподнял новообетенную ступню, обнаружил, что она шевелится, опустил ее на землю и понял, что может при ходьбе переносить на нее вес тела.

Затем он обернулся к троице Спутникам и по их глазам увидел, что они все понимают и принимают, потому что именно ради этого они некогда и явились в Королевство.

А потом Аматус заплакал жаркими, горючими слезами – так, как плачут мужчины из-за того, что стали мужчинами.

Солнце вершило свой путь по небу, озаряя мир, полный забот. Вскоре вся компания разошлась, ибо у каждого из них были свои заботы. О той ночи никто из них не сказал никому ни слова, только Седрику, который всех по очереди допросил. А записей никаких не сохранилось.

ЧАСТЬ II РАННЯЯ РОСА

Глава 1 ПРИНЦ В ТРАУРЕ

Вполне можно было представить, что принц Амагус станет одеваться в черное – цвет скорби, уйдет в затвор и долго будет предаваться тоске. Бонифаций бы это понял и посоветовал друзьям не беспокоить принца до тех пор, пока боль утраты не отступит.

Запросто можно было бы предположить и другой вариант. Принц мог удариться в пьянство и дебоши, пытаясь утопить свое горе в вине и скитаясь по злачным местам столицы в дурной компании. Ведь теперь не было Голиаса, который удержал бы юношу от самого плохого. Седрик бы понял принца и защитил бы его от гнева отца.

Не исключалось также, что принц с головой погрузится в науки и тем самым почтит память Голиаса и отвлечется от переживаний. В этом случае ему грозило в будущем прослыть королем Амагусом Ученым. И Бонифаций, и Седрик сумели бы это пережить.

Но чего они не могли пережить, так это того, что принц ударился во все три крайности одновременно. Он носил траур, но при этом расхаживал по дворцу с таким видом, словно был готов кого угодно прикончить из чувства мести. Из-за этого Бонифаций сильно нервничал, а особенно потому, что и он, и все остальные обитатели дворца привыкли созерцать половину принца, но теперь к этой половине присоединилась левая ступня, существовавшая как бы сама по себе, будучи не присоединенной к телу, и от этого зрелища и короля, и придворных бросало в дрожь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.